

ГОВАРД ЗИНН

АМЕРИКАНСКАЯ ИМПЕРИЯ

С 1492 ГОДА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Величайшие империи человечества

Говард Зинн

**Американская империя. С
1492 года до наших дней**

«Алисторус»

2014

Зинн Г.

Американская империя. С 1492 года до наших дней / Г. Зинн — «Алисторус», 2014 — (Величайшие империи человечества)

[<p id="__GoBack">](#)Говард Зинн (1922–2010) – левый интеллектуал еврейского происхождения, наряду с Ноамом Хомским и Сьюзен Зонтаг был одним из наиболее последовательных критиков внешней политики США. Известный американский политолог и писатель, доктор исторических наук, преподавал в университетах Бостона, Парижа и Болоньи. Его книга, неоднократно переиздававшаяся как в Америке так и по другую сторону Атлантики, содержит во многом отличный от традиционной для американской исторической науки взгляд на важнейшие события истории США с колониальных времен до начала XXI в. Она насыщена необычно яркими и интересными фактами, позволяющими российскому читателю лучше понять нашего вероятного противника как в прошлом так и, вполне возможно, в недалеком будущем. Этот труд безусловно привлечет внимание не только профессиональных историков, социологов и политологов, но и всех, кто интересуется историей Соединенных Штатов.

© Зинн Г., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Колумб, индейцы и прогресс человечества	6
Создание межрасовых барьеров	22
Злобные и низкие люди	34
Тирания есть тирания	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Говард Зинн

Американская империя. С 1492 года до наших дней

© Зинн Г., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Ноа, Джорджи, Серене, Ношону, Уиллу и их поколению

Колумб, индейцы и прогресс человечества

Обнаженные темнокожие мужчины и женщины племени араваков, исполненные любопытства, выходили из деревень на берега своего острова и плыли по направлению к большой странной лодке, чтобы лучше ее рассмотреть. Когда Христофор Колумб и его команда сошли на берег, вооруженные мечами и говорящие на непонятном языке, туземцы бросились приветствовать их и принесли еду, воду и подарки. Позднее Колумб так описал это в своем судовом журнале:

«Они... приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках и дротики и много других вещей, которые обменивали на стеклянные бусы и колокольчики для соколиной охоты... И по доброй воле отдавали они все, чем владели... сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые... они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведению обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики – это палицы без железа... Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами... достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все что угодно».

Араваки с Багамских островов были очень похожи на индейцев, живших на континенте, которые славились (европейские путешественники отмечали это неоднократно) своим гостеприимством и стремлением поделиться тем, что имели. Подобные черты были утрачены в Европе эпохи Ренессанса, где доминировало католичество, правили короли и властвовала неистовая жажда денег, которая была свойственна как западной цивилизации, так и ее первому посланнику в Америке – Христофору Колумбу.

Он писал: «Как только я прибыл в Индии, на самом первом открытом мною острове, я взял силою несколько местных жителей, чтобы они научились чему-нибудь у нас и сообщили мне о том, что находится в этих краях».

Вопрос, который больше всего интересовал Колумба: «Где золото?» Он убедил короля и королеву Испании финансировать экспедицию к этим землям. По предположениям мореплавателя, богатство – золото и пряности – находилось на другой стороне Атлантики, в Индиях и Азии. Как и другие просвещенные люди того времени, Колумб знал, что Земля круглая и что следует плыть на запад, чтобы попасть на Дальний Восток.

Испания недавно стала единым государством и была одним из новых национальных государств, подобно Франции, Англии и Португалии. Ее жители, в основном бедные крестьяне, работали на дворян, составлявших 2 % населения и владевших 95 % земли. Испания, связывая себя узами с католической церковью, изгнала всех евреев и выдворила мавров. Как и другие страны современного ей мира, Испания стремилась получить в свое распоряжение золото, которое становилось новым символом богатства, более важным, чем земля, так как с его помощью можно купить все что угодно.

Поскольку за несколько столетий до этого Марко Поло и другие путешественники привозили удивительные вещи из своих странствий по суше, считалось, что в Азии есть золото и, несомненно, шелка и пряности. Теперь, когда турки покорили Константинополь, Восточное Средиземноморье и контролировали сухопутные дороги в Азию, был необходим морской путь. Португальские моряки прокладывали свой маршрут вокруг южной оконечности Африки. Испания решила сделать ставку на длительное плавание через неведомый океан.

В обмен на золото и пряности Колумбу обещали десятую часть прибыли, передачу в управление открытых земель и славу, которую даст новый титул: Адмирал Моря-Океана. Сын квалифицированного ткача, Христофор Колумб родился в итальянском городе Генуя, служил приказчиком у торговца, иногда получал дополнительный заработок, занимаясь ткачеством, и стал опытным мореплавателем. Генуэзец отправился в путь на трех парусных кораблях, самый

большой из которых – «Санта-Мария» был длиной примерно 100 футов и имел команду из 39 человек.

Колумб так никогда бы и не доплыл до Азии, которая оказалась на тысячи миль дальше, чем он рассчитывал, полагая, что Земля меньше размером. Необъятные морские просторы обрекли бы мореплавателя на неудачу. Но ему повезло. Пройдя четверть пути, Колумб наткнулся на неизвестную, не нанесенную на карты землю, которая лежала между Европой и Азией, – на американский континент. Это случилось в начале октября 1492 г., через тридцать три дня после того, как генуэзец со своей командой покинул Канарские острова у атлантического побережья Африки. Они увидели ветки, плавающие в воде, а в небе стаи птиц. Это было признаком того, что суша близко. Двенадцатого октября моряк по имени Родриго увидел рано утром отражение лунного света на белом песке и закричал. Это был один из Багамских островов в Карибском море. Первому увидевшему землю была обещана ежегодная пожизненная пенсия в 10 тыс. мараведи¹, но Родриго ее так и не получил. Колумб заявил, что сам увидел свет еще предыдущим вечером. Награду получил он.

Итак, приближаясь к берегу, мореплаватели встретили индейцев араваков, которые плыли к кораблю, чтобы приветствовать их. Араваки жили сельскими общинами, занимались разведением кукурузы, ямса и маниоки. Они умели прясть и ткать, но не знали лошадей и рабочего скота. У туземцев не было железа, но в ушах они носили маленькие золотые украшения.

Последнее обстоятельство имело серьезные последствия: Колумб забрал нескольких индейцев на борт в качестве пленников и настаивал на том, чтобы они раскрыли ему источник золота. Потом генуэзец поплыл туда, где ныне находится Куба, а затем к Эспаньоле (остров, на котором сейчас расположены Гаити и Доминиканская Республика). Крупинки золота, которые можно было заметить в водах тамошних рек, и золотая маска, подаренная Колумбу вождем местного индейского племени, стали причиной безумных мифов о золотых россыпях.

На Эспаньоле из досок «Санта-Марии», которая села на мель, адмирал построил форт – первую военную базу европейцев в Западном полушарии. Он назвал его Навидад («Рождество») и оставил там 39 членов команды, отдав распоряжение найти золото. Колумб захватил еще больше индейцев в плен и погрузил их на два оставшихся корабля. В одной части острова он вступил в схватку с аборигенами, которые отказались обменять то число луков и стрел, которое устроило бы Колумба и его людей. Двое были заколоты шпагами и умерли от потери крови. Потом корабли «Нинья» и «Пинта» отправились в плавание к Азорским островам и Испании. Когда погода стала холоднее, пленники-индейцы начали умирать.

Отчет мореплавателя мадридскому королевскому двору был весьма экстравагантным. Путешественник настаивал на том, что добрался до Азии (а это была Куба) и до острова недалеко от побережья Китая (Эспаньола). В его описаниях были и правда, и вымысел.

Эспаньола – чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и равнина, и земли прекрасные и тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек. Морские гавани здесь такие, что не видя их, нельзя и поверить, что подобные могут существовать, равным образом как и реки – многочисленные и широкие... причем большая часть этих рек несет золото...

На этом острове много пряностей, а также залежи золота и других металлов.

Индейцы, сообщил Колумб, «на удивление робки... Правда, после того как они успокаивались и страх исчезал, они становились столь доверчивыми и с такой щедростью отдавали все им принадлежащее, что кто этого не видел сам, вряд ли тому поверит. Если у них попросить какую-нибудь вещь, они никогда не откажутся ее отдать. Напротив, они сами предлагают ее...». Мореплаватель завершил свой отчет, попросив небольшой помощи у Фердинанда и Изабеллы и пообещав взамен привезти из своего следующего путешествия «столько золота, сколько им

¹ Мараведи – испанская золотая, серебряная, позже медная монета.

нужно... столько рабов, сколько будет угодно». Его слова были полны религиозной патетики: «...и предвечный господь бог наш, который дарует всем шествующим по завещанному им пути победу в таких делах, что могут казаться неосуществимыми».

Благодаря преувеличениям и обещаниям, содержавшимся в отчете адмирала, для его второй экспедиции выделили 17 кораблей и более 1,2 тыс. человек. Цель была ясна: рабы и золото. Испанцы плыли от острова к острову в Карибском море, захватывая индейцев в плен. Но поскольку молва о намерениях европейцев уже распространилась, их все чаще и чаще встречали опустевшие деревни. На Гаити пришельцы обнаружили, что моряки, оставленные в Форте Навидад, погибли в битве с индейцами, происшедшей после того, как шайки испанцев начали бродить по острову в поисках золота и захватывать местных женщин и детей в качестве невольников, предназначенных для сексуальных развлечений и работы.

Теперь, со своей базы на Гаити, Колумб отправлял экспедицию за экспедицией во внутренние районы. Они не нашли золота, но должны были загрузить возвращавшиеся в Испанию корабли хоть какими-то товарами, которые могли принести прибыль. В 1495 г. эти экспедиции провели большой рейд с целью захвата рабов. Они окружили 1,5 тыс. араваков – мужчин, женщин и детей. Испанцы поместили их в загоны, охранявшиеся солдатами и собаками, затем отобрали 500 самых крепких и загнали на суда. Двести из них умерли в дороге. Остальных привезли в Испанию, где они были выставлены на продажу городским архидиаконом, который сообщал, что, хотя рабы были «голыми, в чем мать родила», они «стеснялись не больше, чем животные». Позже Колумб писал: «Отсюда можно во имя святой троицы отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать.».

Но в плену умерло слишком много невольников. И адмирал, в отчаянной попытке вернуть дивиденды тем, кто вложил средства в экспедицию, должен был выполнить свое обещание – наполнить корабли золотом. В провинции Сибао на Гаити, там, где Колумбу и его людям привиделись золотые россыпи, они приказали всем индейцам старше 14 лет собирать определенное количество золота каждые три месяца. Когда туземцы приносили требуемое, им давали медные таблички, чтобы индейцы носили их на шее. Аборигенам, которых обнаруживали без такого жетона, отрубали руки, и они умирали от потери крови.

Перед туземцами была поставлена невыполнимая задача. Единственным золотом в этих местах были песчинки, собиравшиеся в реках. Поэтому индейцы спасались бегством, а их травили собаками и убивали.

Пытаясь создать войско для сопротивления, араваки столкнулись лицом к лицу с испанцами, оснащенными броней, мушкетами, шпагами и лошадьми. Когда пришельцы захватывали пленных, они их вешали либо сжигали заживо. Среди араваков начались массовые самоубийства: индейцы выпивали яд, изготовленный из маниоки. Младенцев убивали, чтобы спасти от испанцев. Вследствие убийств, нанесенных увечий или самоубийств за два года погибла половина из 250 тыс. жителей Гаити.

Когда стало ясно, что золота больше не осталось, индейцев в качестве рабов согнали в огромные поместья, позднее ставшие известными как энкомьенды. Они работали там до изнеможения и умирали тысячами. К 1515 г. осталось около 50 тыс., а к 1550 г. – 5 тыс. индейцев. Согласно отчету за 1650 г., на острове не осталось ни араваков, ни их потомков.

Основным, а порой и единственным источником информации о том, что происходило на островах после прихода Христофора Колумба, являются труды Бартоломе де Лас Касаса, молодого священника, который участвовал в завоевании Кубы. Некоторое время он владел плантацией, на которой работали индейцы-рабы, но потом оставил это занятие и стал яростным критиком жестокости испанцев. Лас Касас изложил содержание дневника Колумба и, когда ему было уже за пятьдесят, начал работу над многотомным изданием «История Индий». В этой работе он рассказывает о туземцах. Автор пишет, что они ловкие и способны проплывать большие расстояния, особенно женщины. Индейцы не всегда миролюбивы, так как время от

времени сражаются с соседними племенами, но их потери в людской силе, по-видимому, невелики. Туземцы вступают в схватку по личным мотивам, из-за какой-либо обиды, а не потому, что вожди или правители отдали им приказ.

Отношение индейцев к женщинам было настолько хорошее, что поражало испанцев. Лас Касас описывает взаимоотношения полов следующим образом:

Брачных законов не существует: и мужчины, и женщины выбирают себе пару, а потом оставляют партнера, когда захотят, без оскорблений, ревности или злобы. Количество туземцев быстро растет. Беременные женщины работают до последней минуты, рожают практически без боли и уже на следующий день купаются в реке и становятся столь же чистыми и красивыми, как до родов. Когда их утомляют мужчины, они делают аборт с помощью трав, действие которых приводит к выкидышу, и прикрывают срамные части тела листьями или хлопковой тканью. При этом, в целом, индейские мужчины и женщины воспринимают полную наготу как нечто столь же обыденное, как для нас голова или руки.

Индейцы, как свидетельствует Лас Касас, не имеют религии, по крайней мере у них нет культовых построек. Они живут в больших колоколообразных строениях, вмещающих до 600 человек... сделанных из очень крепкого дерева и покрытых пальмовыми листьями... Они ценят разноцветные птичьи перья, бусы из рыбьих костей, а также зеленые и белые камни, которыми они украшают губы и уши, но не ценят золото и другие драгоценности. У них нет представлений о торговле – ни о покупке, ни о продаже. В вопросах жизнеобеспечения они полностью полагаются на окружающий их мир. Они очень щедры в отношении того, чем обладают, и в такой же степени желают того, чем обладают их друзья, и ожидают проявления той же степени щедрости.

Во второй книге «Истории Индий» Лас Касас (который вначале призывал к замене туземцев черными рабами, полагая, что они сильнее и выживут, но потом смягчился, увидев, каким образом рабство влияло на чернокожих) рассказывает об отношении испанцев к индейцам. Это уникальное сообщение заслуживает того, чтобы процитировать его полностью:

«Многочисленные свидетельства... указывают на мягкий и мирный нрав индейцев... Однако наша работа заключалась в том, чтобы сеять злобу, разорять, убивать, калечить и уничтожать, и поэтому мало удивительного в том, что и они иногда пытались убивать кого-то из нас...

Это правда, что адмирал, как и те, кто пришли за ним, был слеп и столь одержим стремлением угодить Королю, что совершал непоправимые преступления в отношении индейцев.».

Лас Касас пишет о том, как испанцы «становились день ото дня все тщеславнее» и через какое-то время даже отказывались передвигаться самостоятельно. Они «ездили на спинах индейцев, когда спешили», или же бегущие туземцы, сменяя друг друга, несли их на носилках. «В этом случае испанцам тоже прислуживали индейцы, которые несли огромные листья, прикрывавшие хозяев от солнца, а также аборигены, в чьих руках были гусиные крылья, служившие опахалами».

Абсолютный контроль порождал повсеместную жестокость. Испанцы, «не задумываясь, могли зарезать десяток или два индейцев и отрезать части их тел, чтобы проверить, насколько остры их клинки». Лас Касас рассказывает, как «два так называемых христианина однажды встретили двух индейских мальчиков, каждый из которых нес по попугаю; испанцы отняли птиц и, забавы ради, обезглавили детей».

Попытки индейцев защитить себя проваливались. И когда они убегали в горы, их находили и убивали. Так, автор сообщает: «Они страдали и умирали в рудниках и на других работах в безнадежном молчании, не зная ни единой души в этом мире, к которой они бы могли обратиться за помощью». Он описывает их работу на этих рудниках: «... приходилось перекатывать горы, тысячу раз поднимать землю вверх и опускать ее вниз, разбивать и дробить скалы, сдвигать тяжелые камни, а для того чтобы промыть землю, приходится таскать ее на

спине к реке, и там мойщики все время стоят в воде с согнутой поясницей, и все тело их затекает и ноет, а самая тяжелая из всех работ начинается тогда, когда в рудник проникает вода и ее приходится выливать руками и специальными ковшами вверх, наружу.»

Через каждые шесть или восемь месяцев работы на рудниках, необходимых для того, чтобы одна группа могла добыть достаточно золота, пригодного для переплавки, умирало до трети мужчин.

«В то время как этих людей оправляли за многие мили от дома на копи, их жены оставались трудиться на земле; женщин принуждали к изнурительной работе разрыхлять почву и делать тысячи холмиков для выращивания маниоки.

В результате мужья не встречались с женами и не виделись с ними по восемь и десять месяцев, а то и по целому году; когда же, по истечении этого срока, им наконец удавалось встретиться, то они были настолько изнурены и истощены голодом и тяжелой работой, что им было не до супружеских сношений, и так получилось, что у них не стало потомства, а те дети, которые рождались, умирали в младенчестве из-за того, что у их матерей, голодных и обессиленных тяжелым трудом, не было молока в грудях; по этой причине на острове Куба во время моего там пребывания за три месяца умерло 7000 младенцев; некоторые матери, охваченные отчаянием, собственными руками душили своих новорожденных детей... И так умирали все: мужья – на рудниках, жены – на фермах от непосильной работы, а младенцы от того, что у их матерей высохло молоко... в короткий срок должно было вымереть все население; так обезлюдел этот большой, богатый, плодороднейший... остров... Я собственными глазами видел все эти деяния, чуждые человеческому естеству, и сейчас я содрогаюсь, когда пишу.»

По словам Лас Касаса, в момент его прибытия на Эспаньолу в 1508 г. «на этом острове жило 60 тыс. человек, включая индейцев. Получается, что с 1494 по 1508 г. более 3 млн. туземцев исчезли вследствие войны, рабства и работы на рудниках. Кто из будущих поколений поверит в это? Даже я сам, свидетель, знающий, о чем пишу, с трудом в это верю».

Таким образом 500 лет назад началась история европейского проникновения в индейские поселения на американском континенте. Это вторжение, согласно Лас Касасу, – даже при том, что цифры преувеличены (откуда взялись 3 млн. индейцев, о которых он говорит, или менее 1 млн, по подсчетам ряда историков, либо 8 млн, как полагают некоторые исследователи в наше время?), – означало завоевание, рабство и смерть. Если читать книги по истории, которые предлагаются детям в Соединенных Штатах, то все начинается с героического приключения – никакого кровопролития! – и празднования Дня Колумба.

В начальной и средней школе встречаются лишь редкие намеки на нечто иное. Историк из Гарвардского университета С. Морисон, наиболее выдающийся исследователь жизни Колумба, автор его многотомной биографии, был также моряком, проследившим весь путь адмирала через Атлантику. В своей известной книге «Христофор Колумб, мореплаватель», написанной в 1954 г., он говорит о порабощении и убийствах: «Жестокая политика, начатая Колумбом и продолженная его преемниками, в конечном итоге привела к тотальному геноциду».

Всего одна страница, затерявшаяся в рассказе о великом приключении. В заключительном параграфе книги Морисон обобщает свои взгляды на деяния адмирала:

«У него были свои промахи и свои изъяны, но изъяны эти по большей части нерасторжимо связаны с теми его качествами, которые сделали его великим: с его неукротимой волей, с его изумительной верой в бога и в свою миссию провозвестника Христова имени в землях за океаном, с его железным упорством, преодолевавшим и пренебрежение властей, и бедность, и горечь неудач. И самое главное, самое существенное, чем обладал этот человек и что остается совершенно безупречным и безоговорочным, – это его великое искусство морехода».

Кто-то может просто лгать о событиях прошлого. Кто-то – опустить факты, которые приводят к нежелательным выводам. Морисон поступает иначе. Он отказывается говорить неправду о Колумбе. Не скрывает истории массовых убийств. Напротив, описывает ее, упо-

требляя самое сильное слово, которое только и может быть использовано в этом случае, – геноцид.

Но историк делает и кое-что еще – он говорит правду походя, а потом переходит к вещам, более важным для него. Неприкрытая ложь или утаивание фактов рискованны, так как читатель, обнаружив их, может возмутиться, восстать против автора. А вот отметить факт, а потом закопать его в массу другой информации – это все равно что сказать читателю с заразительной уверенностью и спокойствием: да, массовые убийства были, но не это важно – это несущественно для наших окончательных суждений; это практически не влияет на то, что мы делаем сегодня в мире.

Речь здесь не о том, что историк может избежать того, чтобы обращать внимание на одни факты и вскользь упоминать другие. Это для него так же естественно, как и для картографа, который, чтобы создать изображение, представляющее практическую пользу, прежде всего должен сделать земную поверхность плоской и искаженной, а потом выбрать из массы разнообразной географической информации именно те параметры, которые важны для некоей конкретной карты.

Мои возражения направлены не против отбора, упрощения или акцентирования, которые неизбежны как для картографа, так и для историка. Но искажения, допускаемые картографом, – это техническая необходимость ради общей цели, разделяемой всеми теми, кто нуждается в картах. Однако искажения, допускаемые историком, это нечто большее, чем просто технические ошибки. В действительности такие искажения являются идеологическими по своему характеру, и они возникают в мире противоборствующих интересов, где любой выбор акцентов (вне зависимости от воли самого историка) связан с поддержкой тех или иных интересов: экономических, политических, расовых, национальных или сексуальных.

Более того, подобная идеологическая заинтересованность не столь очевидна по сравнению с техническим интересом картографа («Это проекция Меркатора для дальних путешествий, тогда как для странствий на короткие расстояния рекомендуется использовать другие проекции»). Напротив, дело представляется таким образом, будто все читатели исторической литературы разделяют общие взгляды, которым и служат, как могут, историки. И это не преднамеренный обман: историки воспитаны в обществе, в котором образование и знание выдвигаются вперед как чисто технические вопросы на пути к совершенству, а не как инструментальный, необходимый для исследования столкновений между общественными классами, расами и нациями.

Особое внимание, уделяемое героизму Колумба и его последователей, подчеркивание их роли в качестве навигаторов и первооткрывателей и отсутствие акцента на геноциде – не техническая необходимость, а идеологический выбор.

И служит он – пусть и непреднамеренно – оправданию того, что было содеяно.

Я не считаю, что в историческом повествовании мы должны обвинять Колумба, судить его и выносить ему приговор *in absentia*². Уже слишком поздно, и это было бы бесполезным схоластическим упражнением в морализаторстве. Но столь легкое восприятие жестокости в качестве неприятной, но необходимой платы за прогресс (Хиросима и Вьетнам во имя спасения западной цивилизации, Кронштадт и Венгрия для спасения социализма, распространение ядерного оружия для всеобщего спасения) до сих пор с нами. И причина того, что эти зверства и поныне остаются с нами, состоит в том, что мы научились зарывать их в массу других фактов, подобно тому как закапываются в землю контейнеры с радиоактивными отходами. Мы приучились уделять жестокостям ровно столько внимания, сколько им часто уделяют учителя и писатели в наиболее уважаемых аудиториях и учебниках. Усвоенное нами чувство дозированной морали, проистекающее из кажущейся объективности ученого, воспринимается легче,

² В отсутствие, заочно (лат.).

чем в том случае, если оно появляется после выступлений политиков на пресс-конференциях. И потому оно более опасно.

Отношение к героям (Колумбу) и их жертвам (аравакам) – молчаливое оправдание завоеваний и убийств во имя прогресса – только один из аспектов определенного подхода к истории, при котором она рассказывается с точки зрения правителей, завоевателей, дипломатов и вождей. Как будто действия адмирала заслуживают всеобщего одобрения, а американские отцы-основатели, Э. Джексон, А. Линкольн, В. Вильсон, Ф. Д. Рузвельт, Дж. Ф. Кеннеди, лидеры Конгресса, знаменитые судьи Верховного суда – представляют всю нацию как единое целое. Подразумевается, что в такой стране, как «Соединенные Штаты», периодически возникают конфликты и споры, но в основе своей – это сообщество людей, объединенных общими интересами. Как будто действительно существует «национальный интерес», отраженный в Конституции; в территориальной экспансии; в законах, принимаемых Конгрессом; в выносимых судами решениях; в развитии капитализма; в традициях образования и в средствах массовой информации.

«История – это память государств», – пишет Г. Киссинджер в своей первой книге «Восстановленный мир», в которой он продолжает изложение истории с позиций лидеров Австрии и Великобритании, игнорируя миллионы людей, страдавших от проводившейся этими лидерами политики. С его точки зрения, «мир», в котором Европа жила до Французской революции, был «восстановлен» благодаря дипломатии нескольких национальных лидеров. Но для фабричных рабочих Англии, фермеров Франции, цветного населения Азии и Африки, женщин и детей во всем мире, за исключением принадлежащих к знати, это был мир завоеваний, насилия, голода и эксплуатации, т. е. не восстановленный, а дезинтегрированный мир.

Мой подход к истории Соединенных Штатов другой: мы не должны принимать память стран за свою собственную. Государства – это не сообщества людей и никогда таковыми не были. История любой страны, представленная как история семьи, скрывает сильнейшие конфликты интересов (иногда приводящие к взрывам, но чаще всего подавленные) завоевателей и покоренных, хозяев и рабов, капиталистов и рабочих, людей, доминирующих и ущемленных по расовому или половому признаку. В этом мире конфронтации, в мире жертв и палачей, задача каждого думающего человека, как говорил Альбер Камю, не становиться на сторону последних.

Таким образом, исходя из неизбежности выбора той или иной стороны при изложении истории, связанной с отбором фактов и расстановкой акцентов, я предпочитаю рассказывать об открытии Америки с точки зрения араваков; о Конституции с точки зрения рабов; об Эндрю Джексоне, каким его видели индейцы чироки; о Гражданской войне через восприятие нью-йоркских ирландцев; об американо-мексиканской войне, какой она представлялась солдатам-дезертирам армии Уинфилда Скотта; о расцвете индустриализации, увиденной молодыми работницами текстильных фабрик города Лоуэлла; об испано-американской войне с точки зрения кубинцев; о захвате Филиппин в восприятии чернокожих солдат в Лусоне; о «позолоченном веке», каким он представлялся фермерам с Юга; о Первой мировой войне, какой ее видели социалисты; о Второй мировой войне с точки зрения пацифистов; о Новом курсе, каким он представлялся жителям Гарлема; о послевоенной американской империи в восприятии пеонов в Латинской Америке. И так далее, настолько, и в тех пределах, насколько обычный человек способен «увидеть» историю глазами других людей.

Я не собираюсь оплакивать жертвы и разоблачать палачей. Эти слезы, эта злоба, относящиеся к прошлому, подточили наши сегодняшние моральные устои. И различия не всегда ясны. В долгосрочной перспективе угнетатель тоже жертва. На коротком промежутке времени (а до сих пор вся история человечества состояла только из таких временных отрезков) жертвы, отчаявшиеся и развращенные культурой своих поработителей, находят для себя новые жертвы.

И тем не менее, принимая во внимание всю сложность проблемы, эта книга будет скептической по отношению к правительствам и их попыткам с помощью политики и культуры заманить простых людей в гигантскую сеть государственности, претендующей на то, что она и создает общность интересов. Я постараюсь не обойти вниманием жестокости, которые проявляли жертвы по отношению друг к другу, когда оказывались в битком набитых товарных вагонах системы. Я не хочу романтизировать их. Но я помню (возможно, не дословно, но близко к тексту) фразу, которую однажды прочитал: «Жалобы бедных не всегда справедливы, но если вы не слышите их, то никогда не узнаете, что такое справедливость».

Я не собираюсь придумывать победы, якобы одержанные народными движениями. Но думать, что написание истории должно ограничиться одним упоминанием неудач, преобладавших в прошлом, – это значит делать историков коллаборационистами в бесконечном круге поражений. Если истории присуще творческое начало, если она предвосхищает будущее, не отрицая прошлого, то – я уверен в этом – она должна придавать особое значение новым возможностям, освещая те скрытые в прошлом эпизоды (даже если такое освещение лишь краткие вспышки), в которых люди показали свою способность к сопротивлению, объединению и иногда к победе. Я предполагаю – или, возможно, всего лишь надеюсь, – что обрести свое будущее мы сможем скорее в мимолетных мгновениях сочувствия, имевших место в прошлом, чем в непрерывной череде веков вражды.

Таков мой подход к истории Соединенных Штатов, высказанный мною настолько откровенно, насколько это возможно. Читатель имеет право узнать об этом перед тем, как продолжить знакомство с книгой.

То, что Христофор Колумб сделал с араваками на Багамах, Эрнан Кортес сотворил с ацтеками в Мексике, Франсиско Писарро – с инками в Перу, а английские поселенцы Виргинии и Массачусетса – с поухатанами и пекотами.

Цивилизация ацтеков в Мексике унаследовала традиции майя, сапотеков и тольтеков. Она воздвигла гигантские сооружения с помощью каменных орудий и человеческого труда, создала письменность и жречество. И эта же цивилизация практиковала (давайте не забывать об этом) ритуальные убийства тысяч людей, приносимых в жертву богам. Жестокость ацтеков, тем не менее, не уничтожила определенную степень простодушия. Когда испанская армада приплыла к Веракрусу, и, когда бородатый белый человек с неизвестными животными (лошадьми) сошел на берег в убранстве из железа, ацтеки предположили, что он и есть легендарный богочеловек, умерший за три сотни лет до этого и обещавший вернуться, – таинственный Кецалькоатль³. И поэтому они приветствовали его, проявляя необыкновенное гостеприимство.

На самом деле это был Эрнан Кортес, прибывший из Испании с экспедицией, оплаченной купцами и землевладельцами и благословленной наместниками Бога на земле, с единственной навязчивой целью: найти золото. Вероятно, у вождя ацтеков Монтесумы были некоторые сомнения относительно того, действительно ли Кортес является Кецалькоатлем, так как, отправляя к нему сотни посланцев с подношениями невиданных богатств – фантастической красоты изделий из золота и серебра, он в то же время умолял испанца вернуться туда, откуда тот пришел. (Через несколько лет художник Дюрер изобразил предметы, только что доставленные в Испанию из той экспедиции, – солнце из золота, луну из серебра, стоявшие целое состояние.)

Кортес начал свой марш смерти от города к городу, используя обман, обращая ацтеков против ацтеков, убивая с особой изощренностью, которая была частью его стратегии, заклю-

³ Кецалькоатль (на языке ацтеков – пернатый змей) – в мифологии тольтеков верховный бог; в мифологии ацтеков бог науки, покровитель жрецов.

чавшейся в том, чтобы парализовать волю местного населения с помощью внезапных ужасающих деяний. Так, в Чолулу он пригласил вождя племени чолула на площадь. И когда они пришли, приведя с собой тысячи безоружных слуг, выстроившаяся вокруг площади небольшая испанская армия всадников, вооруженных пушкой и арбалетами, учинила кровавую бойню, уничтожив всех до единого. Затем конкистадоры разграбили город и ушли. Когда волна массовых убийств схлынула, испанцы добрались до Мехико. Монтесума умер, а наголову разбитая цивилизация ацтеков покорила пришельцам.

Обо всем этом рассказывают отчеты самих захватчиков.

В Перу другой испанский конкистадор – Франсиско Писарро использовал такую же тактику и по тем же причинам: из-за безумной страсти молодых капиталистических государств Европы к золоту, а также из-за рабов и даров земли, которые нужны были, чтобы расплатиться с держателями облигаций и акционерами, на чьи средства снаряжались экспедиции; финансировать монархические бюрократии, расцветавшие в Западной Европе; ускорить развитие новой, основанной на деньгах экономики, прорастающей сквозь феодализм; участвовать в том, что Карл Маркс впоследствии назовет «первоначальным накоплением капитала». Таким ожесточенным было начало изощренной системы технологий, бизнеса, политики и культуры, которая станет доминировать в мире в последующие пять столетий.

В североамериканских колониях Англии рано последовали примеру Колумба в его действиях на Багамах. Уже в 1585 г., еще до появления каких бы то ни было постоянных поселений англичан в Виргинии, Ричард Гренвилл прибыл на американский материк с семьей кораблями. Индейцы гостеприимно встретили пришельцев, но, как только один из туземцев украл маленький серебряный кубок, Гренвилл разграбил и сжег целую деревню.

Джеймстаун⁴ был основан на территории конфедерации индейских племен, которую возглавлял вождь Паухэтан. Он наблюдал за тем, как англичане обустроиваются на землях его народа, но не нападал на них, хотя и относился к чужеземцам прохладно. Когда пришельцы переживали «голодное время» зимой 1610 г., некоторые из них перебежали к индейцам, где по крайней мере могли получить еду. Летом губернатор колонии отправил к вождю гонца с требованием вернуть беглецов. На это Паухэтан, согласно английскому источнику, дал «гордый и пренебрежительный ответ». Тогда были посланы солдаты, чтобы «отомстить». Они напали на индейские поселения, убили 15 или 16 туземцев, сожгли дома, вырубили посевы кукурузы вокруг деревни, посадили королеву племени с детьми в лодки, затем прикончили и выбросили за борт детей, «а их мозги побросали в воду». Потом правительницу вытащили на берег и забили до смерти.

Двенадцать лет спустя индейцы, встревоженные тем, что численность жителей в английских поселениях все растет, по-видимому, решили попытаться уничтожить их, пока не поздно. Нападение было яростным и стоило жизни 347 мужчинам, женщинам и детям. С этого момента началась настоящая война.

Не будучи способными поработить краснокожих и не умея жить вместе с ними, англичане решили уничтожить их. Э. Морган в книге «Американское рабство, американская свобода» о начальном этапе истории колонии Виргиния пишет:

«Поскольку индейцы гораздо лучше англичан чувствовали себя в лесах и их практически невозможно было выследить, был выбран следующий метод: вначале притвориться, что намерения исключительно мирные, и позволить индейцам осесть и посадить кукурузу там, где им вздумается, а потом, как раз перед сбором урожая, напасть на них, убивая всех на своем пути, и сжечь посевы... В течение двух или трех лет такой резни англичане сполна отомстили за смерть своих соплеменников, убив гораздо больше индейцев.

⁴ Джеймстаун – первое английское постоянное поселение на территории США, основано в 1607 г. колонистами Виргинской компании.

В первый год пребывания белых людей в Виргинии, в 1607 г., Паухэтан отправил Джону Смит⁵ послание, которое стало пророческим. Можно сомневаться в подлинности текста, но послание настолько похоже на другие обращения аборигенов, что даже если не является первым аутентичным прошением, то отражает дух подобных обращений:

«Я видел гибель двух поколений моего народа... Я знаю разницу между миром и войной лучше любого человека в моей стране. И сейчас я состарился и скоро должен умереть; моя власть должна перейти к моим братьям Опиткапану, Опеканкану и Катату, потом к моим сестрам, затем к моим двум дочерям. Я хотел бы, чтобы они знали столько же, сколько знаю я, и чтобы ваша любовь к ним была такой же, как моя любовь к вам. Почему вы стремитесь взять силой то, что вы можете получить спокойно, если будете действовать полюбовно? Почему вы уничтожаете нас, тех, кто снабжает вас пищей? Что можно получить путем войны? Мы можем спрятать наши съестные припасы и убежим в леса, а вы потом будете голодать из-за того, что несправедливо отнеслись к тем, кто мог быть вам другом. Почему вы завидуете нам?

У нас нет оружия, мы готовы поделиться с вами всем, чего вы захотите, если вы попросите по-хорошему, как друзья, и мы не настолько простодушны, чтобы не понимать, что гораздо лучше есть хорошее мясо, спать с удобством, жить в спокойствии с женами и детьми, радоваться жизни вместе с англичанами, вступать с ними в браки, вести товарообмен, получая их медь и орудия, чем убегать от них и спать в холодном лесу, питаться желудями, корнями и другим мусором, и быть настолько затравленными погоней, что я уже не смогу ни есть, ни спать. В этих войнах мои люди должны всегда стоять в дозоре, и, как только где-то ломается ветка, они все кричат «Капитан Смит идет!» И так я должен закончить свою несчастную жизнь. Уберите свои ружья и мечи, причину нашего беспокойства, или вы все умрете, так же как умираем мы».

Когда пилигримы приплыли в Новую Англию, там тоже были не свободные земли, а территория, населенная индейскими племенами. Губернатор колонии Массачусетской бухты Джон Уинтроп выдумал оправдание занятию земель туземцев, объявив, что эти районы с юридической точки зрения представляют собой «вакуум». Индейцы, как он говорил, не «подчинили» себе территории и, таким образом, имеют на них только «естественное», а не «гражданское право». Итак, у «естественного права» не было юридического статуса.

Пуритане также ссылались на Библию: «...проси у Меня, и дам народы в наследие Тебе и пределы земли во владение Тебе.». (Пс. 2:8). А в оправдание использования силы для захвата территорий они цитировали святого апостола Павла: «Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение» (Рим. 13:2).

Пуритане жили, достигнув нелегкого перемирия с пекотами, населявшими территории современных штатов – южную часть Коннектикута и Род-Айленд. Но колонистам хотелось убрать индейцев с пути: им была нужна земля туземцев. И по всей видимости, пуритане хотели также установить свое правление над всеми коннектикутскими поселенцами. Убийство белого торговца, который похищал индейских детей, человека, всегда провоцировавшего неприятности вокруг себя, послужило оправданием начавшейся в 1636 г. Пекотской войны.

Карательная экспедиция вышла из Бостона, чтобы атаковать на Блок-Айленде наррагансеттов, союзников пекотов. Губернатор Уинтроп писал:

«Они получили приказ убить всех мужчин, выгнать женщин и детей и завладеть островом; после этого направиться в страну пекотов и потребовать выдачи убийц капитана Стоуна и других англичан, а также 1000 морских саженей вампума⁶ в возмещение убытков и несколько детей как заложников; в случае отказа – захватить силой».

⁵ Джон Смит – (1579/80—1631) – военный, исследователь, основатель колонии Виргиния и ее первый летописец. Один из основателей Джеймстауна.

⁶ Пояс вампума, сплетенный из раковин, играл роль украшения, памятной записи, а также выполнял церемониальную функцию, особенно при заключении договоров.

Отряд высадился на берег. Было убито несколько индейцев; остальные спрятались в дремучих лесах на острове. Каратели переходили от одной опустевшей деревни к другой, уничтожая урожай. Затем они вернулись обратно на материк и совершили набег на прибрежные поселения, снова уничтожая посевы. В отчете одного из офицеров – участника этой экспедиции – содержатся некоторые откровения по поводу встретившихся пекотов: «Множество индейцев, следивших за нами, бежали по берегу и кричали; «О, англичане, приветствуем вас, зачем пожаловали?» Они не предполагали, что мы собираемся воевать с ними, когда вышли нас радостно встречать».

Итак, война с пекотами началась. Кровавые боины устраивали обе стороны. Англичане развивали тактику ведения боевых действий, примененную ранее Кортесом, а позднее, в XX в., использовавшуюся еще более систематически: спланированные нападения на мирное население с целью запугать противника. Вот интерпретация этнографа и историка Ф. Дженнинга нападения капитана Джона Мейсона на деревню пекотов на реке Мистик недалеко от пролива Лонг-Айленд: «Мейсон предложил не атаковать воинов-пекотов, так как это могло оказаться не по силам его не имевшим боевого опыта и не слишком надежным войскам. Сама по себе битва не была его целью. Сражение – это всего лишь одно из средств, чтобы сломить волю соперника к сопротивлению. С помощью резни можно достичь той же цели, но с меньшим риском, и, таким образом, Мейсон определил, что его целью будет кровавая бойня».

Поэтому англичане поджигали вигвамы в деревне. По их собственным свидетельствам, «капитан сказал: «Мы должны спалить их» – и немедленно вошел в вигвам... вынес оттуда головешку и, прислонив ее к циновкам, которыми устилались вигвамы, поджег жилище». Уильям Брэдфорд в своей книге «История поселения в Плимуте», написанной в те же времена, так описал налет Дж. Мейсона на деревню пекотов:

«Те, кто избежал огня, пали от меча; кого рубили в куски, кого пронзали рапирами; скоро с ними было покончено, и спаслись весьма немногие. Подсчитали, что убито было около 400 [человек]. Ужасен был вид заживо горевших и потоков крови, которые гасили пламя; ужасен был и смрад; но сладка была победа, и победители вознесли молитвы к богу, который предал им в руки надменных и дерзких врагов и даровал столь скорую победу».

Пуританский теолог д-р Коттон Мэзер представил события таким образом: «Предположительно не менее 600 душ пекотов были отправлены в ад в тот день».

Война продолжалась. Племена туземцев использовались для борьбы друг против друга и никогда не были способны объединиться, чтобы противостоять англичанам. Ф. Дженнингс делает обобщение:

«Ужас среди индейцев был велик, но со временем они начали размышлять о его истоках. Из Пекотской войны они извлекли три урока:

1) самые серьезные обещания могут быть нарушены англичанами, как только их обязательства войдут в конфликт с их выгодой; 2) при методах ведения войны, практикуемых англичанами, не существует ограничений, связанных с угрозами совести или с милосердием;

3) индейское оружие практически бесполезно для противостояния оружию европейского производства. Эти уроки индейцы выучили наизусть».

В примечании в книге В. Вогела «Эта земля была нашей» (1972) написано: «По официальным данным на сегодня число пекотов в Коннектикуте составляет двадцать один человек».

Через 40 лет после Пекотской войны пуритане вновь вступили в схватку с индейцами. На этот раз это были вампаноаги, обитавшие на южном берегу Массачусетской бухты, которые также мешали продвижению поселенцев и начали продавать часть своих земель людям, не жившим в Массачусетсе. Их вождь Массасойт умер. Его сын Уомсатта был убит англичанами, а брат Уомсатты Метаком (которого впоследствии англичане называли королем Филиппом) стал вождем. Колонисты нашли предлог – убийство, которое они приписали последнему, и начали войну против вампаноагов, целью которой был захват их земли. Англичане, безусловно, были

агрессорами, но заявляли, что их атака являлась упреждающим ударом. Как говорил Роджер Уильямс, наиболее дружелюбно относившийся к местным жителям: «Все совестливые или рассудительные люди объявляют, что индейцы ведут оборонительные войны».

Ф. Дженнингс утверждает, что пуританская элита стремилась к конфронтации, в отличие от простых англичан, которые часто отказывались сражаться. Туземцы действительно не желали войны, но отвечали жестокостью на жестокость. Когда в 1676 г. война закончилась, англичане победили, но их ресурсы были истощены. Белые потеряли 600 человек. Погибло 3 тыс. индейцев, включая самого Метакома. Тем не менее нападения на аборигенов не прекратились.

Некоторое время англичане пытались использовать более гибкую тактику. Но в конечном счете все вернулось к уничтожению. Индейское население к северу от Мексики, насчитывавшее ко времени прибытия Колумба 10 млн. человек, сократилось: в конце концов коренных жителей осталось менее 1 млн. человек. Огромное их число умерло от болезней, занесенных европейцами. Голландский путешественник, побывавший в Новых Нидерландах, писал в 1656 г.: «Индейцы... подтвердили, что до прибытия христиан и до того, как началась эпидемия оспы, их было в десять раз больше, чем сейчас; что туземное население было выкошено этой болезнью; что умерло девять человек из каждых десяти». В 1642 г., когда англичане основали поселение на острове Мартас-Виньярд, там проживало, вероятно, 3 тыс. вампаноагов. И хотя там не было войн, однако к 1764 г. на острове осталось лишь 313 аборигенов. На Блок-Айленде в 1662 г. жило, по всей видимости, от 1,2 до 1,5 тыс. индейцев, но к 1774 г. их число сократилось до 51 человека.

За английским вторжением в Северную Америку, кровавыми расправами с туземцами, мошенничеством и жестокостями стояла мощнейшая движущая сила, рожденная в цивилизациях, основанных на частной собственности. С точки зрения морали эта сила была неоднозначной: потребность в пространстве, в земле действительно насущна для человека. Но в условиях нужды, в варварскую эпоху истории, когда правила конкуренция, эта человеческая потребность трансформировалась в убийство целых народов. Роджер Уильямс назвал это развращенной потребностью в громадных угодьях и землях, расположенных в диких местах, после великой суеты, грез и призраков исчезающей жизни, как если бы люди так же сильно стремились приобрести обширнейшие территории и подвергались ради этого опасности, подобно несчастным, голодным и томимым жаждой морякам, вернувшимся из долгого плавания, сопряженного с болезнями, штормами и нехваткой съестных припасов. Это – одно из божеств Новой Англии, которое сокрушит и заморит голодом живой и всевышний Господь.

Были ли все это кровопролитие и обман, начатые Колумбом и продолженные Кортесом, Писарро и пуританами, необходимостью для человеческой расы на ее пути от варварства к цивилизации? Был ли прав С. Морисон, запрятавший историю геноцида в недра более важной истории прогресса человечества? Возможно, здесь стоит привести убедительный аргумент – подобный тому, который был приведен И. В. Сталиным, уничтожавшим крестьян во имя индустриализации в Советском Союзе, или У. Черчиллем, объяснявшим необходимость бомбардировок Дрездена и Гамбурга, либо Г. Трумэнem, оправдывавшим Хиросиму. Но каким образом можно давать оценки, если сопоставить выгоду и потери невозможно, так как последние или не упоминаются вообще, или упоминаются вскользь?

Просто оправдание («К сожалению, так случилось, но мы должны были так поступить») может быть приемлемым для средних и высших классов стран-завоевателей и «развитых» государств. Но приемлемо ли оно для бедняков Азии, Африки и Латинской Америки, узников советского ГУЛАГа, чернокожих жителей городских гетто, индейцев в резервациях – для жертв того самого прогресса, который во всем мире принес выгоду лишь привилегированному меньшинству? Было ли это приемлемо (или просто неизбежно?) для американских шахтеров и железнодорожников, фабричных рабочих, мужчин и женщин, сотнями тысяч умиравших

вследствие несчастных случаев или болезней там, где они – жертвы прогресса – жили или трудились? И не должно ли само упомянутое меньшинство пересмотреть с тем же практицизмом, который не может быть уничтожен даже особым положением, свое отношение к ценности собственных привилегий в тот момент, когда им угрожают принесенные в жертву озлобленные люди и эти угрозы выражаются в организованном восстании или стихийном бунте либо просто в отдельных жестоких проявлениях отчаяния, заклеянных законом и государством как преступления?

Если и есть необходимость жертвоприношения во имя прогресса человечества, то разве не очевидно, что необходимо следовать принципу, согласно которому те, кем предстоит пожертвовать, должны принимать решение? Каждый может отказаться от того, чем он обладает, но разве мы имеем право бросать в погребальный костер чужих детей или даже наших собственных во имя некоего прогресса, который не столь очевиден, как болезнь или здоровье, жизнь или смерть?

Что получил народ Испании от всех этих смертей и жестокости, обрушившихся на американских индейцев? В течение непродолжительного периода таким приобретением была слава Испанской империи в Западной полушарии. Х. Конинг пишет в книге «Колумб. Его дело»: «Все украденное и доставленное в Испанию золото и серебро не сделало испанский народ богаче. Оно позволило королям получить на время преимущество в существующей расстановке сил, дало возможность привлечь больше наемников для своих войн. Кончили они тем, что все равно проиграли эти войны, и остались лишь беспощадная инфляция, голодающее население, богатые, ставшие еще богаче, бедные, ставшие еще беднее, и уничтоженный класс крестьянства».

И кроме всего прочего, насколько вообще мы уверены в том, что все уничтоженное было менее ценным, чем то, что пришло на смену? Кто были те люди, которые выходили на берег и плыли к кораблям Христофора Колумба, чтобы принести ему и его команде дары? кто наблюдал за Эрнаном Кортесом и Франсиско Писарро, проходящими по их землям? кто следил из лесов за первыми белыми поселенцами в Виргинии и Массачусетсе?

Колумб назвал их индейцами, так как просчитался относительно размеров Земли. В данной книге мы называем этих людей так же, но с некоторой неохотой, потому что слишком часто случается, что народ продолжает носить имя, данное ему завоевателями.

И тем не менее есть некоторые основания согласиться с тем, чтобы называть их индейцами, поскольку они действительно пришли, возможно 25 тыс. лет назад, из Азии на Аляску по перешейку, исчезнувшему позднее под водой Берингова пролива. Затем в поисках тепла и земель они переместились южнее, и путь, длившийся тысячи лет, привел их сначала в Северную, а потом в Центральную и Южную Америку. В Никарагуа, Бразилии и Эквадоре до сих пор обнаруживают окаменевшие отпечатки следов этих людей рядом с рисунками бизонов, исчезнувших около 5 тыс. лет назад; таким образом, уже тогда они должны были достичь Южной Америки.

Во времена Колумба численность людей, рассеянных по огромной территории американского континента, составляла около 75 млн. человек, из которых 25 млн, возможно, жили в Северной Америке. Благодаря специфическим особенностям почв и климата, они создали сотни самобытных племенных культур и около 2 тыс. языков и наречий. Эти люди достигли совершенства в архитектуре и научились выращивать маис (кукурузу), который не растет сам по себе и который нужно высаживать, культивировать, удобрять, собирать, очищать. Туземцы искусно выращивали разнообразные овощи и фрукты, а также земляные орехи, какао, табак и каучук.

Живя обособленно, индейцы были вовлечены в великую сельскохозяйственную революцию одновременно с другими народами в Азии, Европе, Африке.

В то время как многие племена оставались кочующими охотниками и собирателями, объединенными в странствующие эгалитарные общины, другие начинали жить более оседлыми сообществами, где было больше пищи и населения, сильнее проявлялось разделение труда между женщинами и мужчинами, оставалось больше излишков продуктов питания для вождей и жрецов, больше времени на творчество и социальную деятельность, на постройку жилищ. Примерно за тысячу лет до Рождества Христова, когда сопоставимые сооружения воздвигались в Египте и Месопотамии, на территории современного штата Нью-Мексико индейцы зуни и хопи начали строить для защиты от врагов деревни, расположенные среди скал и состоящие из крупных многоуровневых построек с сотнями комнат. Еще до прибытия европейцев туземцы использовали оросительные каналы, дамбы, умели делать керамику, плели корзины и изготавливали одежду из хлопка.

Ко временам Иисуса Христа и Юлия Цезаря в долине реки Огайо развивалась культура так называемых строителей маундов (курганов). Эти индейцы создавали тысячи невероятных земляных скульптур – громадных людей, птиц или змей, иногда как погребальные курганы, в иных случаях как фортификационные сооружения. Один из таких маундов достигал в длину 3,5 мили, а в окружности – 100 акров. Представляется, что строители маундов участвовали в сложной системе обмена украшениями и оружием, в которую были вовлечены обитатели районов Великих озер, Дальнего Запада, побережья Мексиканского залива.

Примерно в 500 г. н. э., в то время, когда культура строителей маундов в долине реки Огайо начала приходить в упадок, западнее – в долине реки Миссисипи, там, где сейчас находится город Сент-Луис, – стала развиваться другая культура. Ее представители успешно занимались сельским хозяйством, построили тысячи деревень. Вблизи крупного индейского города, в котором могло проживать до 30 тыс. человек, они тоже строили огромные земляные погребальные и ритуальные курганы. Самый высокий из них достигал 100 футов, а его прямоугольное основание оказалось больше, чем у пирамиды Хеопса в Египте. В городе, известном под названием Кахокиа, жили ремесленники, изготавливавшие инструменты, кожевники, гончары, ювелиры, ткачи, производители соли, граверы по меди и великолепные мастера по керамике. Одно погребальное покрывало было сделано из 12 тыс. ракушек.

На землях от горного массива Адирондак до Великих озер, там, где сейчас находятся Пенсильвания и северная часть штата Нью-Йорк, жили самые могущественные из северо-восточных племен – представители Конфедерации ирокезов, в состав которой входили племена: могауки («народ Кремня»), онейда («народ Гранита»), онондага («народ Горы»), кайюги («народ Причала») и сенека («народ Великих холмов») – тысячи людей, объединенных общим ирокезским языком.

В видении, представшем предводителю могауков Гайавате, легендарный Дегановеда говорил ирокезам: «Мы объединились, взяв друг друга за руки так крепко и создав круг столь прочный, что, даже если дерево упадет на него, он не разобьется и не пошатнется, чтобы наш народ и наши внуки оставались в этом кругу безопасности, мира и счастья».

В ирокезских деревнях землей владела община, и работы на ней проводились совместно. Охота также была коллективной, добыча делилась между жителями деревни. Дома считались общими, и в них проживало по несколько семей. Ирокезам была чужда концепция частной собственности на землю и на жилища. Французский священник-иезуит, который познакомился с ирокезами в 50-х гг. XVII в., сообщал: «Им не нужны богадельни, так как их нельзя назвать ни нищими, ни бедняками... Их доброта, человеколюбие и обходительность не только делают индейцев щедрыми в отношении того, чем они обладают, но и повелевают не стремиться иметь что-либо еще, кроме того, чем туземцы владеют сообща».

В ирокезском обществе женщины играли очень важную роль и были уважаемы. Семьи являлись матрилинейными, т. е. род определялся по линии входящих в семью женщин, чьи мужья присоединялись к их семьям, в то время как сыновья, женись, присоединялись к семьям

своих жен. Каждая такая расширенная семья жила в «длинном доме». Когда женщина хотела расстаться с мужем, она выставляла его вещи за дверь.

Семьи объединялись в кланы, и в деревне их могло быть больше дюжины. Старшие жительницы селений назначали мужчин, которые представляли свои кланы на деревенском или племенном совете. Они также называли имена 45 вождей, входивших в состав правящего совета Конфедерации ирокезов. Женщины присутствовали на собраниях клана, стоя за спиной собравшихся в круг мужчин, которые говорили и голосовали, тогда как женщины отзывали мужчин из совета, если те плохо отстаивали желания индианок.

Женщины заботились об урожае и брали на себя общее управление делами в деревне, в то время как мужчины охотились или ловили рыбу. И поскольку индианки снабжали военные экспедиции мокасинами и съестными припасами, то отчасти контролировали военные дела. Как отмечает Г. Нэш в своем впечатляющем исследовании ранней истории Америки «Красный, Белый и Черный», «власть разделялась между полами, и европейская идея о доминировании мужчин и подчинении женщин в любой области, очевидно, отсутствовала в сообществе ирокезов».

В процессе приобщения к культурному наследию своего народа и единству со своим племенем, дети этих индейцев обучались самостоятельности, отказу подчиняться превосходящей силе. Их учили, что люди равны по статусу и что следует делиться имуществом. Ирокезы не применяли по отношению к детям жестоких наказаний, они не настаивали на раннем отлучении ребенка от груди или раннем приучении к самостоятельному одеванию, но постепенно малыш начинал учиться тому, как самому заботиться о себе.

Все это резко контрастировало с европейскими ценностями первых колонистов, живших в обществе, разделенном на богатых и бедных и контролируемом священниками, губернаторами, а также возглавлявшими семьи мужчинами. Например, пастор из колонии пилигримов Джон Робинсон давал пастве такие советы по поводу воспитания детей: «Несомненно, это есть во всех детях... упрямство и стойкость, происходящие из их природной гордыни, которые должны быть сломлены и выбиты из них в первую очередь, и, таким образом, основа их образования должна состоять в смирении и послушании, а другие добродетели в свое время могут быть построены на этих качествах». Нэш так описывает культуру ирокезов:

«Законы и предписания, шерифов и констеблей, судей и присяжных, суды и тюрьмы – аппарат власти в европейских обществах – нельзя было обнаружить в лесах Северо-востока до прихода европейцев. Тем не менее границы приемлемого поведения были очерчены абсолютно четко. Гордясь собой как самостоятельными личностями, ирокезы обладали ясным представлением о добре и зле... Тех, кто украл пищу у другого или действовал во время войны трусливо, «клеяли позором» и подвергали остракизму, изгоняли из общины, до тех пор пока они не искупали вину за свои действия и не доказывали ко всеобщему удовлетворению, что морально очистились».

Не только ирокезы, но и другие индейские племена вели себя подобным образом. В 1635 г. на требование губернатора, состоявшее в том, что в случае убийства англичанина виновного индейца следует выдать для наказания в соответствии с английскими законами индейцы Мэриленда ответили так:

«Согласно нашим традициям, если это произойдет, мы даем выкуп за жизнь убитого человека – бусы длиной 100 локтей, и поскольку вы здесь чужеземцы, приехавшие в нашу страну, то должны приспособливаться к ее обычаям, а не заставлять нас следовать вашим нравам».

Так что Колумб и его последователи прибыли не в дикую безлюдную пустыню, а в мир, который в некоторых своих частях был столь же густо населен, как сама Европа; мир, в котором существовала развитая культура, где человеческие взаимоотношения были более эгали-

тарными, чем в Европе, и где отношения между мужчинами, женщинами и детьми, возможно, являлись наиболее гармоничными, чем где бы то ни было еще.

Эти народы не имели письменности, но обладали своими законами, поэзией, историей, хранящейся в памяти и передававшейся из поколения в поколение посредством словарного запаса более сложного, чем в европейских языках, в сопровождении песен, танцев и церемониальных действий. Они уделяли особое внимание развитию личности, силе воли, независимости и уступчивости, страстности и могуществу, связям людей между собой и с окружающей природой.

Дж. Коллир, американский ученый, живший среди индейцев американского Юго-Запада в 20—30-х гг. XX столетия, так отзывался о духовности индейцев: «Если бы мы могли позаимствовать ее, то обладали бы землей, не знающей истощения, и жили бы в вечном мире».

Возможно, в этом есть некая романтическая мифология. Но свидетельства европейских путешественников XVI, XVII и XVIII вв., не так давно собранные воедино американским исследователем жизни индейцев У. Брэндоном, дают более чем достаточно подтверждений именно этого «мифа». Даже учитывая все недостатки мифов, этих повествований хватит, чтобы задаться вопросом, как применительно к тем временам, так и к современности: есть ли оправдание уничтожению рас во имя прогресса и пересказу истории от лица завоевателей и лидеров западной цивилизации?

Создание межрасовых барьеров

Чернокожий писатель Дж. Сондерс Реддинг так описывает прибытие судна в Северную Америку в 1619 г.: «С убранными парусами и опущенным флагом на округлой корме оно пришло вместе с морским приливом. По словам всех, это и в самом деле было странное, пугающее, таинственное судно. Никто не знает, был ли то торговый, пиратский или военный корабль. Из-за фальшбортов виднелось черное жерло пушки. Флаг на корабле был голландский, а команда – разношерстной толпой. Порт назначения – английское поселение Джеймстаун, что в колонии Виргиния. Судно прибыло, с него велась торговля, и вскоре оно исчезло. Возможно, ни один корабль в современной истории не перевозил более зловещего груза. Какой же был груз? Двадцать рабов».

Нет в мировой истории другой страны, где расизм играл бы такую важную роль в течение столь долгого времени, как в Соединенных Штатах. И проблема «межрасовых барьеров», как охарактеризовал ее У. Дюбуа, все еще актуальна. Поэтому в вопросе «Как все это начиналось?» больше смысла, чем просто интереса к истории, а еще более насущным является вопрос «Как с этим покончить?», который можно сформулировать и по-другому: «Возможно ли свободное от ненависти сосуществование белых и чернокожих?»

Если история может помочь в нахождении ответов на эти вопросы, то корни рабства в Северной Америке – на континенте, где мы можем установить факты прибытия первых белых и чернокожих, – могут дать нам по крайней мере несколько подсказок.

Некоторые историки полагают, что эти первые африканцы в Виргинии считались такими же сервентами, как белые законтрактованные слуги⁷, привезенные из Европы. Но весьма вероятно, что, даже если они регистрировались в этом качестве (категория лиц, более понятная англичанам), воспринимали их иначе, чем белых сервентов, и относились к ним по-другому, а на деле они были рабами.

Во всяком случае, рабство быстро превратилось в обычный институт общества, в нормальный способ трудовых взаимоотношений чернокожих и белых в Новом Свете. Вместе с рабством развивалось и особое расовое чувство (будь то ненависть или презрение, сострадание или покровительство), которым сопровождалось унижительное положение чернокожих в Америке в течение последующих 350 лет, – то самое сочетание низкого статуса и унижающих идей, которое мы называем расизмом.

Все, что составляло опыт первых белых поселенцев, подталкивало их к порабощению чернокожих.

В 1619 г. виргинцы отчаянно нуждались в рабочей силе, чтобы вырастить достаточный для выживания урожай. Среди поселенцев были и те, кто пережил зиму 1609/10 г., ставшую известной как «голодное время», когда, сходя с ума от желания поесть, люди скитались по лесам в поисках орехов и ягод, вскрывали могилы и питались трупами и умирали десятками, пока в конце концов из 500 колонистов не осталось 60 человек.

В «Протоколах» палаты депутатов Виргинии есть датированный 1619 г. документ, в котором рассказывается о первых двенадцати годах существования Джеймстауна. «В первом поселении жила сотня людей, обед которых состоял из маленькой ложки ячменя. Когда в колонию прибыли новые переселенцы, продовольствия стало еще меньше. Многие жили в похожих на пещеры землянках, а зимой 1609/10 г. поселенцы... испытывая нестерпимый голод, ели то,

⁷ Законтрактованный работник, сервент – лицо, обязанное выполнять оговоренную работу в течение определенного времени в качестве платы за оказанную ему услугу или с целью выплаты долга. В XVII–XVIII столетиях в эту категорию входили люди, добровольно подписавшие контракт, по условиям которого за их перевоз через Атлантику они обязывались работать в течение четырех-семи лет.

чего не выносит сама природа, – плоть и человеческие экскременты, как наших людей, так и индейца, выкопанного некоторыми из могилы, в которой труп был похоронен три дня назад, и целиком с жадностью его пожирали; другие, кто еще не был настолько обессилен, по сравнению с теми, кого уже изъел голод, лежали в ожидании, угрожая убить и съесть последних; один из таких людей умертвил свою жену, пока та спала у него на груди, разрезал ее на куски, засолил мясо и питался, пока не сожрал все части ее тела, сохранив лишь голову.»

В петиции тридцати колонистов в палату депутатов, обратившихся с жалобой на двенадцатилетнее правление губернатора сэра Томаса Смита, говорилось: «Мы утверждаем, что в эти двенадцать лет правления сэра Томаса Смита колония по большей части пребывала в великой нужде и страданиях под гнетом самых суровых и жестоких законов... Довольствие в эти времена составляло лишь восемь унций мяса на человека в день да полпинты гороха... заплесневелого, гнилого, полного паутины и личинок мух, тошнотворного для человека и негодного для тварей, что и заставило многих бежать за помощью к враждебным дикарям, за что все были подвергнуты убиению повешением, расстрелом и колесованием... а одному из них за кражу двух или трех пинт овсяной муки проткнули шилом язык и привязали цепями к дереву, пока он не умер от голода.»

Виргинцы нуждались в рабочей силе, чтобы вырастить кукурузу для пропитания, а табак на экспорт. Они только что узнали, как выращивать табак, и в 1617 г. отправили первую партию груза в Англию. Обнаружив, что, как все наркотики, приносящие удовольствие и не одобряемые общественной моралью, он стоит дорого, плантаторы, несмотря на свои возвышенные религиозные речи, не собирались задавать лишних вопросов по поводу того, что приносит такую прибыль.

Они не могли заставить индейцев работать на себя, как это сделал Колумб. Здесь их было меньше, и, хотя, обладая более совершенным, огнестрельным оружием, белые могли истреблять туземцев, им самим угрожало бы ответное уничтожение. Поселенцы также не могли захватывать и поработать индейцев, поскольку те были сильными, изобретательными и непокорными людьми, чувствовавшими себя дома в этих лесах, чего не скажешь об переселенцах-англичанах.

Достаточное количество белых сервентов еще не прибыло. Кроме того, они не являлись рабами и не должны были делать больше, чем отработать по контракту несколько лет, чтобы оплатить переезд и начать жизнь в Новом Свете. Что же касается свободных белых переселенцев, многие из них, будучи искусными ремесленниками или даже ничем не занимаясь в Англии, настолько не желали работать на земле, что в те ранние годы Джон Смит вынужден был ввести нечто вроде военного положения, собрать их в рабочие бригады и заставить выйти в поле, чтобы выжить.

Возможно, существовало некое вызванное собственной несостоятельностью чувство ярости за свое неумение, за превосходство индейцев в том, как позаботиться о себе, которое делало виргинцев особенно готовыми к тому, чтобы стать рабовладельцами. Э. Морган пытается представить их настроения, когда пишет в своей книге «Американское рабство, американская свобода»:

«Если вы были колонистом, вы знали о своем технологическом превосходстве над индейцами. Вы знали, что вы были цивилизованным, а они – дикарями... Но вашего технологического превосходства было недостаточно для практических успехов. Индейцы между собой смеялись над вашими совершенными методами и жили тем, что приносила земля, с большим изобилием и меньшей затратой труда, чем вы.

...И когда ваши же люди стали бежать к ним, это было уже слишком.

...Тогда вы стали убивать индейцев, пытать их, сжигать их деревни и кукурузные поля. Это доказало ваше превосходство, несмотря на допущенные провалы. Подобным же образом

вы относились и к тем из ваших людей, кто не устоял перед образом жизни дикарей. Но вы все равно не смогли выращивать больше кукурузы».

Чернокожие невольники дали ответ на все вопросы. И естественным стало считать импортированных негров рабами, хотя институт рабства не был упорядочен и легализован еще в течение нескольких десятилетий. Естественным потому, что к 1619 г. 1 млн. чернокожих уже был ввезен из Африки в португальские и испанские колонии Южной Америки и района Карибского моря для использования их рабского труда. За пятьдесят лет до Колумба португальцы привезли десять чернокожих африканцев в Лиссабон, и это стало началом упорядоченной работорговли. Негры из Африки уже в течение столетия считались рабами. Поэтому было бы странно, если бы те 20 чернокожих, которых насильственно доставили в Джеймстаун и продали как вещи поселенцам, нуждавшимся в стабильном источнике рабочей силы, воспринимались бы окружающими как-то иначе, чем рабы.

Их беспомощность упростила процесс порабощения. Индейцы находились на собственной земле. Белых окружала своя же европейская культура. Чернокожие были оторваны от своей земли и культуры и насильственно поставлены в положение, при котором их наследие: язык, одежда, обряды, семейные связи – постепенно подвергалось уничтожению, кроме остатков того, что они могли удержать лишь одним невероятным упорством.

Была ли их культура ниже уровнем, став таким образом легкой мишенью для разрушения? В военном отношении это так, – она не выдерживала натиска белых с их ружьями и кораблями. Но это не так ни в каком ином отношении – если не учитывать, что отличные от нас культуры часто воспринимаются как культуры более низкого уровня, особенно когда такое суждение практично и выгодно. Даже в военном отношении сказанное не совсем отражает правду: хотя европейцы смогли захватить крепости на побережье Африки, им не удалось покорить внутренние районы и пришлось договариваться с местными вождями.

Африканская цивилизация на своем пути развития достигла не меньших высот, чем европейская. В отдельных сферах она была достойна даже большего восторга; но и в этой цивилизации присутствовали жестокость, иерархические привилегии, готовность жертвовать человеческими жизнями во имя религии или выгоды. Это была цивилизация 100 млн. человек, использовавших железные орудия и развивавших сельское хозяйство. В ней существовали крупные городские центры и имелись замечательные достижения в области плетения, керамики, скульптуры.

В XVI в. европейских путешественников поражали в Африке город Тимбукту и королевство Мали⁸, где было создано стабильное и организованное общество в те времена, когда европейские государства лишь начинали свой путь к современным нациям. В 1563 г. секретарь венецианских правителей Дж. Рамузио писал итальянским купцам: «Пусть едут и ведут дела с королем Тимбукту и Мали, и нет сомнений, что они будут приняты там хорошо, когда придут на своих кораблях с товарами и добьются благосклонности в том, о чем просят».

В голландском отчете о западноафриканском королевстве Бенин, датированном примерно 1602 г., говорилось: «Град сей кажется очень большим, когда вы в него вступаете. Вы идете по большой и широкой немощеной улице, которая, кажется, в семь или восемь раз шире, чем улица Вармос в Амстердаме... Дома в этом Граде стоят в должном порядке, близко друг к другу и в ряд, так же как дома в Голландии».

Примерно в 1680 г. один путешественник охарактеризовал обитателей побережья Гвинейского залива как «очень цивилизованных и добродушных людей, с которыми легко иметь

⁸ Город Тимбукту (Томбукту) был важнейшим центром торговых путей через Сахару (вплоть до начала XX в.). Мали (Мелле, Малли) – государственное образование в Западной Африке в VIII–XVII вв. на территории современных Мали и Гвинеи.

дело, снисходительно относящихся к тому, что требуют по отношению к себе европейцы, весьма готовых вдвойне одарить нас в ответ на наши подарки».

Как и в Европе, в Африке было некое подобие феодализма, базирующегося на сельском хозяйстве, со своей иерархией сеньоров и вассалов. Но африканский феодализм, в отличие от европейского, не происходил от рабовладельческих обществ Греции и Рима, разрушивших древний племенной уклад. В Африке племенной образ жизни все еще был силен, и некоторые из его лучших характеристик, такие, как дух общинности, большая мягкость в законах и методах наказания, все еще существовали. И поскольку у местных феодалов не было того оружия, которым обладали европейские сеньоры, они не могли с такой же легкостью подчинять себе людей.

В своей книге «Африканская работорговля» Б. Дэвидсон сравнивает законы Конго начала XVI в. с португальским и британским законодательствами. В этих европейских странах, где набирала силу идея частной собственности, за воровство предусматривалось жестокое наказание. Так, в Англии вплоть до 1740 г. ребенка могли приговорить к повешению за кражу лоскута хлопчатобумажной ткани. В то же время в Конго, где сохранялся общинный образ жизни, идея частной собственности была инородной, и кражи наказывались штрафами и различными вариантами порабощения. Конголезский вождь, которому рассказали о португальских правовых кодексах, однажды с издевкой спросил португальца: «Каково в Португалии наказание для тех, кто ступит ногой на землю?»

В африканских государствах существовало рабство, и этим иногда пользовались европейцы, чтобы оправдать созданную ими работорговлю. Но, как отмечает Дэвидсон, «рабы» в Африке были скорее подобны европейским крепостным, т. е. большинству населения Европы. Это было жестокое крепостничество, но они обладали правами, которых не было у привезенных в Америку рабов, и они «были абсолютно непохожи на тех, кого как скот перевозили на кораблях работорговцев и держали на американских плантациях». Как писал один наблюдатель, в западноафриканском королевстве ашанти⁹ «раб мог жениться, владеть собственностью, иметь раба, давать клятву, быть полномочным свидетелем и мог со временем обрести свободу... Раб ашанти в девяти из десяти случаев становился приемным членом семьи, и со временем его потомки вливались в род владельца и заключали браки с его членами, поэтому лишь немногим было известно об их происхождении».

Работорговец Джон Ньютон (который позднее стал аболиционистским лидером), так писал о народе, населявшем территорию современного Сьерра-Леоне: «Степень рабства среди этого дикого, варварского народа, коим мы его считаем, гораздо меньше, чем в наших колониях. Поскольку, с одной стороны, у них нет возделываемых земель, подобных нашим плантациям в Вест-Индии, нет и потребности в избыточном, непрерывном труде, который истощает наших рабов. С другой стороны, никому не позволено проливать кровь даже раба».

Невольничество в Африке едва ли достойно похвалы. Но оно разительно отличалось от рабства на плантациях или шахтах обеих Америк, которое было пожизненным, калечившим морально, разрушительным для семейных уз, не оставлявшим надежд на иное будущее. В африканском рабстве отсутствовали два компонента, которые делали подневольный труд в Америке самой жестокой формой рабства в истории, а именно: безумное стремление к неограниченной прибыли, коренившееся в капиталистическом сельском хозяйстве, а также низведение раба до того состояния, когда его переставали считать человеком, и делалось это при помощи расовой ненависти, которая зиждилась на неумолимо четко обозначенном различии цвета кожи – белый всегда был хозяином, а чернокожий – рабом.

⁹ Ашанти (асанте, асантефо, ашантийцы; самоназвание – «объединившиеся для войны») – народ группы акан в центральных районах современной Ганы.

На самом деле именно потому, что африканские негры являлись представителями устойчивейшей культуры с ее племенными обычаями и семейными узами, общинной жизнью и традиционными ритуалами, эти люди чувствовали себя особенно беспомощными, оказавшись вне этой культурной среды. Их захватывали во внутренних районах (часто этим занимались сами африканцы, вовлеченные в работорговлю), продавали на побережье, затем бросали в загоны вместе с представителями других племен, часто говорившими на разных языках.

Условия захвата и продажи были убедительным подтверждением беззащитности чернокожего африканца перед лицом превосходящей силы. Перемещение к побережью рабов, скованных между собой цепями на шее, под свист кнута и под угрозой оружия, зачастую на расстояние 1 тыс. миль, представляло собой «марш смерти», во время которого погибали двое из каждых пяти человек. По прибытии на место захваченных людей держали в клетках до момента осмотра и продажи. В конце XVII в. некто Джон Барбот так описывал эти сооружения на Золотом Берегу:

«Когда рабов приводят из внутренних районов в Фиду, их помещают в клетку или тюрьму... рядом с берегом, а когда европейцы приходят за ними, их выводят на большой пустырь, где этих людей подробно обследуют судовые врачи, разглядывая каждого, от ребенка до мужчин и женщин, стоящих обнаженными... Тех, кого сочли подходящими и здоровыми, отводят в одну сторону... ставя на грудь раскаленными железными клеймами знаки французских, английских или голландских компаний... После этого клейменых рабов загоняют обратно в клетки, где они ожидают отправки, иногда в течение 10–15 дней».

Затем их группами размещали на борту невольничьих судов, в пространстве не больше гроба, прикованными друг к другу, в темноте, в сырой слизи корабельного трюма, задыхающимися в зловонии собственных экскрементов. Документы того времени так описывают эти условия:

Иногда высота между палубами составляла лишь восемнадцать дюймов; поэтому несчастные не могли повернуться, даже по бокам высота была меньше ширины плеч; они обычно были прикованы к палубе за шею и ноги. В таком месте ощущение страдания и удушья столь велико, что доводило негров... до безумия.

Однажды, услышав сильный шум из трюма, где находились скованные чернокожие, матросы открыли люки и обнаружили рабов на разных стадиях удушья, много мертвых; некоторые из них убили друг друга в отчаянной попытке ухватить глоток воздуха. Часто невольники прыгали за борт, предпочитая утонуть, чтобы прекратить страдания. По словам одного наблюдателя, палуба, где находились рабы, «была настолько покрыта кровью и слизью, что напоминала скотобойню».

В этих условиях умирал примерно каждый третий чернокожий, перевозимый через океан, но огромные прибыли (часто вдвое превышавшие затраты на один рейс) делали это предприятие выгодным для работорговца, и поэтому трюмы, как рыбой, были набиты неграми.

Ведущую роль в работорговле играли поначалу голландцы, затем англичане. (К 1795 г. свыше ста судов, занимавшихся перевозкой невольников, было приписано к Ливерпулю, что составляло около половины всей европейской работорговли.) Занялись этим бизнесом и некоторые американцы из Новой Англии, и в 1637 г. первый американский невольничий корабль под названием «Желание» отплыл из порта Марблхед. Его трюмы были поделены на отсеки каждый площадью 2х6 футов с ножными кандалами и решетками.

К 1800 г. в Северную и Южную Америку было перевезено от 10 до 15 млн. чернокожих или около трети захваченных в Африке людей. По приблизительным подсчетам, в течение столетий, которые мы считаем началом современной западной цивилизации, от рук западно-европейских и американских работорговцев и плантаторов, т. е. представителей стран, считающихся самыми прогрессивными в мире, Африка потеряла убитыми и угнанными в рабство 50 млн. человек.

В 1610 г. католический священник, служивший на американском континенте, некто отец Сандоваль, написал церковному функционеру в Европу, задав вопрос, соответствуют ли захват, перевозка и само порабощение африканцев церковной доктрине. В письме от брата Луиса Брандаона, датированном 12 марта 1610 г., дается такой ответ:

«Ваше преподобие пишете мне, что Вы хотели бы знать, законно ли захвачены негры, которых отправляют в Ваши края. На это могу ответить, что полагаю, что Вашему преподобию не стоит проявлять колебания по этому поводу, поскольку этот вопрос рассматривался на Соборе Совести в Лиссабоне, а все его члены – ученые и совестливые мужи. Ничего плохого в этом не нашли и епископы Сан-Томе, Кабо-Верде и здесь, в Луанду, – все это ученые и добродетельные мужи.

Мы здесь находимся уже сорок лет, и среди нас были и есть очень просвещенные мужи... никогда они не считали торговлю недозволенной. Поэтому мы и святые отцы из Бразилии покупаем этих рабов для своих нужд без всяких колебаний.»

Учитывая все это: отчаянную нужду джеймстаунских поселенцев в рабочей силе, невозможность использования индейцев и сложности с привлечением к работе белых, доступность чернокожих рабов, выставлявшихся на продажу во все возрастающих количествах алчущими прибылями торговцами человеческой плотью, а также возможность держать африканцев под контролем, поскольку они только что пережили такие ужасы, которые если и не убили их, то привели в состояние психической и физической беспомощности, – стоит ли удивляться тому, что пришло время для порабощения негров?

А в этих условиях, даже если некоторых чернокожих можно было считать сервентами, относились бы к ним так же, как к белым законтрактованным слугам?

Из материалов судебных архивов колониальной Виргинии, например, следует, что в 1630 г. некий белый по имени Хью Дэвис был приговорен к «суровому бичеванию... за то, что надругался над самим собой... осквернив свое тело тем, что прилег рядом с негром». Десять лет спустя шестеро сервентов и «негр мистера Рейнолдса» предприняли попытку побега. При этом что белые получили более легкие наказания, «негр Эммануэль подвергся тридцати ударам, на щеке его была выжжена буква R, и он должен был проработать закованным в цепи один год или более, на усмотрение своего хозяина».

Хотя в эти первые годы рабство еще не было упорядочено или легализовано, в списках сервентов чернокожие перечислены отдельно. Закон, принятый в 1639 г., предписывал «всем лицам, кроме негров» обзавестись оружием и боеприпасами (скорее всего, для защиты от индейцев). Когда в 1640 г. трое сервентов попытались бежать, двух белых наказали, продлив срок действия их контрактов. Но, как постановил суд, «третий [беглец], негр по имени Джон Панч, должен служить своему хозяину или его правопреемникам до конца своего земного бытия». В том же, 1640 г. имело место дело чернокожей служанки, которая родила ребенка от белого Роберта Суита. Суд постановил, что «указанная негритянка должна быть подвергнута наказанию кнутом у позорного столба, а указанный Суит должен завтра до полудня публично покаяться в своем преступлении в городской церкви Иакова».

Было ли такое неравное отношение, представлявшее собой сочетание презрения и угнетения, чувства и действия, которое мы называем «расизмом», результатом «естественной» антипатии белых к черным? Вопрос этот важен не только в целях установления исторической точности, но и потому, что любое подчеркивание «естественности» расизма облегчает ответственность социальной системы за него. Ведь если нельзя показать естественный характер расизма, то он является результатом определенных условий, а значит, их можно устранить.

У нас нет возможности проверить, как белые и черные относились бы друг к другу при благоприятной ситуации, когда бы в истории не существовали подчинение, денежные мотивы для эксплуатации и порабощения, отчаянное стремление к выживанию, требовавшее подневольной рабочей силы. Однако жизнь белых и чернокожих в Америке XVII в. была как раз

прямо противоположной такому ходу событий, и все условия сильно способствовали возникновению антагонизма и жестокого обращения. При этом даже малейшее проявление независимой от расы гуманности могло бы восприниматься как основное человеческое стремление к общности.

Иногда отмечается, что даже до XVII в., когда только началась работорговля, в буквальном и переносном смысле заклеймившая африканцев, черный цвет считался признаком безвкусицы. До 1600 г. в Англии, согласно Оксфордскому словарю английского языка, он имел следующее значение: «Глубоко въевшиеся пятна грязи; запачканный, замаранный, грязный; имеющий темные или смертельно опасные цели, зловерный; относящийся к смерти или подразумевающий смерть, смертоносный; губительный, бедственный, злополучный; бесчестный, несправедливый, ужасный, ужасно порочный; относящийся к бесчестию, осуждению, ответственности в форме наказания и т. п.». А в поэзии елизаветинской эпохи белый цвет часто символизировал красоту.

Возможно, что за неимением другого доминирующего фактора темнота и черный цвет, ассоциируемые с ночью и неизвестностью, получили упомянутые значения. Но присутствие иного человеческого существа – важный факт, и условия такого присутствия являются определяющими в том, превращается ли в жестокость и ненависть изначальный предрассудок лишь против цвета кожи, неприменяемый к человечеству.

Несмотря на такие предвзятые мнения о черном цвете, несмотря на особую зависимость негров в Северной и Южной Америке в XVII в., существуют свидетельства того, что когда белые и чернокожие сталкивались с общими проблемами, сообща работали, видели общего врага в своем хозяине, тогда они относились друг к другу как равные. Как пишет об этом исследователь рабства К. Стэмп, черные и белые сервенты в XVII столетии были «удивительным образом безразличны к очевидным физическим различиям между собой».

Чернокожие и белые работали и отдыхали вместе. Сам факт того, что через некоторое время власти вынуждены были принять законы, запретившие такие взаимоотношения, указывает на силу этой тенденции. В 1661 г. в Виргинии был принят закон, по которому «в случае, если какой-либо сервент-англичанин совершит побег вместе с одним или несколькими неграми», он должен будет отработать дополнительный срок и хозяину беглого чернокожего. В 1691 г. та же колония предусмотрела изгнание любого «белого мужчины или женщины, который или которая, будучи свободными, вступят в брак с негром, мулатом, индейским мужчиной или женщиной, зависимым или свободным».

Существует огромная разница между ощущением расовой чужеродности, возможно страха, и массовым порабощением миллионов африканцев, имевшим место в Северной и Южной Америке. Переход от первого ко второму нельзя объяснить лишь «естественными» тенденциями, но его нетрудно понять, если рассматривать как результат сложившихся исторических условий.

Рабство развивалось вместе с эволюцией плантационной системы. Легко проследить истоки этого, восходящие к тому, что отличается от естественной расовой антипатии: количество прибывавших белых, будь то свободные люди или сервенты (по контрактам, которые заключались на четыре-семь лет), было недостаточным, для того чтобы удовлетворить потребности плантаций. К 1700 г. в Виргинии было 6 тыс. рабов, что составляло двенадцатую часть населения. К 1763 г. там находилось уже 170 тыс. чернокожих невольников, т. е. около половины жителей колонии.

Африканцев было легче сделать рабами, чем индейцев. Однако поработить первых было непросто. С самого начала ввезенные чернокожие мужчины и женщины сопротивлялись своему положению. В конечном итоге их борьба оказалась под контролем, и на Юге рабами были 4 млн. негров. Тем не менее в самых тяжелых условиях, испытывая боль увечий и утрат, эти афроамериканцы продолжали восставать в течение двухсот лет существования рабства в

Северной Америке. Лишь время от времени это сопротивление носило характер организованного восстания. Чаще чернокожие рабы выражали свое нежелание сдаться побегами. Еще чаще они организовывали саботаж, снижали темп работы, использовали другие незаметные формы сопротивления, отстаивая свое человеческое достоинство даже в случаях, когда свидетелями этому были лишь сами борцы и их братья и сестры.

Такая форма сопротивления, как отказ подчиняться, имела место еще в Африке. Один работорговец сообщал, что негры были «настолько своенравными и не желавшими покидать свою страну, что часто прыгали в море за борт каноэ, шлюпки или судна и оставались под водой, пока не тонули».

В 1503 г., когда самых первых чернокожих невольников привезли на Эспаньолу, испанский губернатор острова пожаловался в испанский суд, что беглые негры-рабы подают пример неповиновения индейцам. В 20-х и 30-х гг. XVI в. восстания рабов происходили на Эспаньоле, в Пуэрто-Рико, Санта-Марте и на территории современной Панамы. Вскоре после этих выступлений испанцы создали специальную полицию для охоты за беглецами.

В законе, принятом в 1669 г. в Виргинии, говорилось об «упрямстве многих из них», а в 1680 г. законодательная ассамблея обратила внимание на собрания рабов «под предлогом празднеств и ссор», что было сочтено «имеющим опасные последствия». В 1687 г. в районе Северного перешейка колонии был раскрыт заговор, участники которого планировали убить всех местных белых поселенцев и бежать во время массовых похорон.

Дж. Маллин, изучавший сопротивление рабов в Виргинии XVIII столетия, пишет в своей работе «Побег и мятеж»: «В дошедших до нас источниках о рабстве в Виргинии XVIII в. – архивных материалах плантаций и графств, газетных объявлениях о розыске беглых рабов – даются описания мятежных невольников и некоторых других категорий. Рабы характеризуются как ленивые и вороватые; они притворялись больными, уничтожали урожай, хранилища и инструменты, иногда нападали на надсмотрщиков и убивали их. Невольники тайно торговали краденым. Беглых рабов делили на несколько типов: лентяи (такие обычно добровольно возвращались к хозяину), «разбойники»... и рабы, которые на самом деле были беглецами, – те, кто бежал, чтобы увидеться с родственниками; те, кто уходил в город, выдавая себя за свободных, или те, кто хотел навсегда освободиться, попав на отплывавшее из колонии судно либо собравшись вместе для строительства поселков или ища убежищ на фронтире. Убеждения мятежных рабов другого типа были непоколебимы: эти люди становились убийцами, поджигателями и повстанцами».

Невольники, недавно привезенные из Африки и все еще сохранявшие наследие своего общинного строя, убегали группами и пытались основать селения для беглецов в диких местах, на границе. С другой стороны, рабы, родившиеся в Америке, предпочитали бежать в одиночку и, обладая навыками, которым обучились на плантации, старались выдавать себя за свободных.

В английских колониальных документах есть отчет 1729 г. вице-губернатора Виргинии британской Торговой палате, в котором говорится о том, что «несколько негров, около пятнадцати человек... сговорились бежать от хозяина и обосноваться в цитадели соседних гор. Они нашли способ заполучить некоторое количество оружия и боеприпасов, взяли с собой часть провизии, свою одежду, постельное белье и рабочие инструменты... Хотя, к счастью, эта попытка была пресечена, она все же должна побудить нас к некоторым эффективным мерам».

Рабство было очень выгодно некоторым рабовладельцам. Вскоре после Американской революции Джеймс Мэдисон рассказал английскому гостю, что ему удалось зарабатывать 257 долларов в год с каждого негра, тратя на его содержание лишь 12–13 долларов. Другой точки зрения придерживался рабовладелец Лэндон Картер, который за пятьдесят лет до этого писал, жалуясь на то, что его невольники настолько пренебрегали своей работой и были настолько не склонны к сотрудничеству («или не могли, или не желали работать»), что он начал размышлять, а стоило ли вообще содержать их.

Исходя из того что организованные восстания были редки, а на Юге удалось сохранять институт рабства в течение двухсот лет, некоторые историки представляют такую картину: рабы смирились со своим положением; их африканские корни были уничтожены, и, по словам С. Элкинса, они превратились в «самбо»¹⁰, «общество беспомощных и зависимых» людей. Или, как отмечал другой историк У. Филлипс, чернокожие смирились «с подчинением по расовому признаку». Но при целостном взгляде на образ действий рабов, на сопротивление, имевшее место в повседневной жизни, от безмолвного нежелания работать до побегов, картина становится иной.

В 1710 г., предупреждая законодательную ассамблею Виргинии, губернатор Александр Спотсвуд заявил: «...свобода ходит в колпаке, который может, не имея языка, привлечь всех, кто страстно желает сбросить оковы рабства, и сам такой бунт будет безусловно сопровождаться столь ужасающими последствиями, что, я думаю, нам вовсе не преждевременно принять меры против такового, как укрепив самооборону, так и создав закон, предотвращающий сборища этих негров».

В самом деле, учитывая жестокость наказания за побег, тот факт, что так много черных бежало, является признаком настойчивого бунтарства. В XVIII столетии в виргинских кодексах о рабах говорилось:

«Ввиду того что невольники часто убегают и прячутся, притаившись на болотах, в лесах и в других укромных местах, убивая свиней и нанося иной ущерб жителям... если раб не возвращается немедленно, то любой может убить или уничтожить таких рабов теми методами и способами, которые он... сочтет нужным... Если же раб будет пойман... должно быть... признано законным суду графства назначить такое наказание указанному рабу, будь то расчленение или иное... какое они [эти суды] сочтут уместным, в целях перевоспитания любого такого неисправимого раба и устрашения прочих от подобных деяний».

Дж. Маллин обнаружил в газетных объявлениях за 1736–1801 гг. сведения о побегах 1138 мужчин и 141 женщины. Постоянной причиной данного явления было стремление найти членов своей семьи, а это говорит о том, что, несмотря на усилия рабовладельческой системы по уничтожению родственных уз, включая запреты браков и разделение семей, рабы готовы были идти на смерть и увечья ради воссоединения.

В Мэриленде, где в 1750 г. невольники составляли около трети населения, рабство было узаконено с 60-х гг. XVII в., и были приняты законы о контроле над мятежными рабами. Там имели место случаи, когда рабыни убивали своих хозяев, иногда отравляя их, иногда сжигая табачные фермы и дома. В качестве наказания применялись различные меры – от бичевания и клеймения до смертной казни, – но волнения продолжались. В 1742 г. семь невольников были казнены за убийство хозяина.

Страх перед восстанием рабов представляется постоянным фактором жизни на плантации. В 1736 г. состоятельный виргинский рабовладелец Уильям Берд писал:

«У нас уже по меньшей мере 10 тыс. этих потомков Хама¹¹, способных держать в руках оружие, и число их возрастает каждодневно, как за счет рождения, так и за счет ввоза. А в случае если среди них появится отчаянный человек, он может с большими преимуществами, чем Каталина, поднять восстание рабов... и окрасить наши широкие реки кровью».

Это была сложная и мощная система контроля, созданная рабовладельцами для пополнения и сохранения рабочей силы и собственного образа жизни, система одновременно изысканная и грубая, использующая весь инструментарий общественного порядка для удержания власти и благосостояния. К. Стэмп пишет: «Мудрый хозяин не воспринимал всерьез мнение,

¹⁰ От *zambo* (исп.) – название потомков от браков между неграми (или мулатами) и индейцами. Понятие нередко применяется в более широком смысле (человек смешанного происхождения, среди предков которого были африканцы).

¹¹ Хам (др. – евр. темный, загорелый, смуглый) (Быт. 6:10) – один из трех сыновей Ноя. Непочтительно отнесся к своему отцу, вследствие чего был им проклят. Считается, что Ассирия и Египет были основаны потомками Хама.

будто негры – прирожденные рабы. Его не просто было провести. Он знал, что невольники, только что ввезенные из Африки, должны были быть приучены к кабале, что каждое следующее поколение необходимо было тщательно готовить.

Это было непростой задачей, так как рабы редко подчинялись по доброй воле. Более того, они редко смирялись полностью. В большинстве случаев контроль никогда нельзя было ослаблять – по крайней мере до тех пор, пока преклонный возраст не делал невольника беспомощным.

Система имела психологический и одновременно физический характер воздействия. Рабов приучали к дисциплине, вновь и вновь внушали им мысли о собственной неполноценности и необходимости «знать свое место», считать черный цвет кожи признаком подчинения, испытывать благоговейный страх перед властью хозяина, полагать, что интересы хозяина являются своими единственными интересами. Достижению этих целей служили тяжелый труд, разделение семьи раба, убаюкивающее воздействие религии (которая иногда, по словам одного рабовладельца, наносила «большой вред»), создание разобщенности среди невольников путем деления их на полевых работников и более привилегированных домашних слуг и, наконец, вся сила закона и физическая сила надсмотрщика, угрожающие бичеванием, сожжением, увечьями и смертью. Виргинским Кодексом 1705 г. было предусмотрено расчленение заживо. В Мэриленде в 1723 г. был принят закон, предусматривавший отрезание ушей черному, поднявшему руку на белого, а за более серьезные преступления рабы подлежали смертной казни через повешение, а их тела следовало четвертовать и выставить напоказ.

И все же восстания имели место – их было немного, но достаточно, чтобы вызывать постоянный страх среди белых плантаторов. Первое крупномасштабное восстание в североамериканских колониях произошло в Нью-Йорке в 1712 г. Чернокожие невольники составляли десятую часть населения Нью-Йорка, что было самым большим соотношением в северных колониях, где экономические условия обычно не требовали большого числа полевых рабов. Примерно 25 черных и 2 индейца подожгли дом, затем убили подошедших на место 9 белых. Восставших схватили солдаты, их осудили, и 21 человек был казнен. В докладе губернатора, отправленном в Англию, говорилось: «Одних сожгли, других повесили, одного колесовали, одного живьем повесили в городе на цепях». В назидание другим рабам один из восставших был подвергнут сожжению на медленном огне в течение восьми-десяти часов. В письме, отправленном в Лондон из Южной Каролины в 1720 г., сообщалось: «Хочу ознакомить Вас с тем, что совсем недавно у нас имел место очень опасный и варварский заговор группы негров с целью уничтожить всех белых людей в стране, а затем полностью захватить Чарлз Таун, но Богу было угодно, чтобы он был раскрыт; многие заговорщики пленены, некоторые сожжены и повешены, а другие изгнаны».

Примерно в это же время в Бостоне и Нью-Хейвене произошел ряд пожаров, виновниками которых считали негров-рабов. В результате в Бостоне был повешен чернокожий, а городской совет постановил, что любые рабы, которые самостоятельно собирались группами от двух человек и более, подлежали наказанию кнутом.

В 1739 г. в местечке Стоно (Южная Каролина) восстали приблизительно 20 рабов, которые убили двух охранников склада, выкрали ружья и порох и двинулись на юг, убивая людей и сжигая дома на своем пути. К ним присоединялись другие невольники, пока численность восставших не составила около 80 человек. Согласно имеющимся свидетельствам очевидцев, «они призывали к Свободе, маршировали с развернутым флагом и под бой двух барабанов». Местное ополчение обнаружило и атаковало их. В завязавшемся бою погибли около 50 рабов и 25 белых, прежде чем восстание было подавлено.

Г. Аптекер, подробно исследовавший сопротивление невольников в Северной Америке в своей книге «Восстания американских негров-рабов», обнаружил свидетельства около 250 случаев, когда в заговоре или бунте принимали участие, как минимум, десять рабов.

Время от времени на стороне черных невольников в их борьбе принимали участие белые. Еще в 1663 г. белые сервенты и негры-рабы графства Глостер в Виргинии вступили в заговор с целью восстания и обретения свободы. Этот заговор был выдан властям и закончился казнями. Дж. Маллин пишет, что в газетных объявлениях о беглых рабах в Виргинии часто содержались предупреждения «враждебно настроенным» белым о последствиях укрывательства беглецов. Иногда рабы и фримены¹² бежали вместе или были соучастниками преступлений. Случалось, что чернокожие рабы-мужчины убегали вместе с белыми женщинами. Время от времени капитаны и лодочники давали прибежище беглым рабам, делая их членами команды.

В 1741 г. в городе Нью-Йорке насчитывалось 10 тыс. белых сервентов и 2 тыс. черных рабов. Стояла тяжелая зима, и бедняки – невольники и свободные – испытывали большие лишения. Когда произошли загадочные пожары, чернокожих и белых обвинили в совместном заговоре, и началась массовая истерия, направленная на обвиняемых. После судебного процесса, на котором доминировали сенсационные обвинения со стороны информаторов и выбитые силой признания, двое белых мужчин и две белые женщины были казнены, также были повешены 18 рабов, а еще 13 невольников сожжены заживо.

В новых американских колониях только один страх был сильнее страха перед восстанием негров. Это страх перед тем, что недовольные белые присоединятся к чернокожим рабам, чтобы низвергнуть существующий порядок. Особенно в первые годы функционирования рабовладельческой системы, когда расизм еще не укоренился как образ мышления, а к белым сервентам часто относились так же плохо, как к неграм-рабам, существовала вероятность их совместных действий. Вот как представляет это Э. Морган: «Есть намеки на то, что две группы презренных изначально видели друг друга разделяющими одну судьбу. Например, среди сервентов и рабов были обычным делом совместные побеги, похищение свиней, попойки. Среди них не было необычным предаваться совместным любовным утехам. Во время восстания Бэкона один из последних сдавшихся в плен отрядов состоял из восьмидесяти негров и двадцати сервентов-англичан».

Как считает Морган, хозяева рабов, «по крайней мере изначально, воспринимали рабов примерно так же, как сервентов... считая их бестолковыми, безответственными, неверными, неблагодарными, бесчестными». И «если фримены, чьи надежды не оправдались, объединятся с невольниками, которым нечего терять, результаты могут быть хуже всего того, что сотворил Бэкон».

Поэтому принимались соответствующие меры. Примерно в то же время, когда законодательной ассамблеей Виргинии были приняты кодексы о рабах, предусматривавшие дисциплинарные меры и наказания, правящий класс колонии, провозгласивший верховенство всех белых над чернокожими, пошел дальше, предложив представителям низших классов (но с белым цветом кожи) целый ряд поблажек, в которых им ранее было отказано. В 1705 г. был принят закон, требовавший от хозяев предоставлять белым сервентам, срок контракта с которыми заканчивался, до 10 бушелей зерна, 30 шиллингов и ружье, а женщины, отработавшие по контракту, получали 15 бушелей зерна и 40 шиллингов. Также недавно освобожденным сервентам полагался надел в 50 акров земли.

Морган приходит к следующему заключению: «Как только владелец небольшой плантации чувствовал меньший налоговый гнет и начинал понемногу процветать, он становился менее беспокойным, менее опасным, более респектабельным. Он мог увидеть в более состоятельном соседе не вымогателя, а сильного защитника их общих интересов».

Теперь мы видим сложную паутину исторических нитей, заманившую чернокожих в сети рабства в Америке: отчаяние голодавших поселенцев, особую беспомощность оторванных от родины африканцев, мощные мотивы выгоды работорговцев и плантаторов, соблазн более

¹² Фримены (от англ. Freeman – свободный человек) – люди, самостоятельно оплатившие переезд в Новый Свет.

высокого статуса для белых бедняков, тщательно продуманные меры контроля по предотвращению побегов и бунтов, юридическое и общественное наказание за сотрудничество между чернокожими и белыми.

Суть заключается в том, что элементы этой паутины обусловлены историей, а не являются «естественными». Это не означает, что их можно легко распутать и устранить. Это означает одно: существует возможность того, что обстоятельства сложатся иначе в других исторических условиях. Одним из таких условий было бы устранение той классовой эксплуатации, которая заставляла белых бедняков стремиться к повышающим их статус подачкам и предотвратила возможность единства черных и белых, необходимого для совместного восстания и пересмотра устоев.

Примерно в 1700 г. палата депутатов Виргинии провозгласила: «Сервенты-христиане в этой стране – по большей части худшие представители народов Европы. И поскольку... сюда в таком количестве прибыли ирландцы и представители других наций, многие из которых участвовали в недавних войнах, то в наших нынешних обстоятельствах мы едва в состоянии управлять ими, а если бы в их распоряжении было оружие и при попустительстве хозяев эти люди смогли бы объединиться, тогда нам бы следовало справедливо опасаться, что они восстанут против нас».

Это было своего рода проявление классового сознания, классового страха. В первые годы существования Виргинии и других колоний происходили события, подтверждавшие эту тревогу.

Злобные и низкие люди

В 1676 г., спустя 70 лет после основания Виргинии и за столетие до того, как она сыграла ведущую роль в Американской революции, в колонии произошло восстание белых жителей пограничья, к которым присоединились рабы и сервенты. Угроза этого восстания была столь велика, что губернатору пришлось бежать из горящей столицы – Джеймстауна, а в Англии решили отправить через Атлантику 1 тыс. солдат, надеясь таким образом сохранить порядок среди 40 тыс. колонистов. События вошли в историю как восстание под предводительством Натаниэла Бэкона. После того как бунт подавили, Бэкон умер, а его сподвижники были казнены, в отчете Королевской комиссии об этом человеке сообщалось следующее:

«Говорили, что ему 34 или 35 лет, он среднего роста, но строен, у него черные волосы, и в его задумчивости и печали присутствует нечто зловещее, ему свойственны губительные и всегда очень логичные атеистические высказывания... Он заставил грубых и невежественных людей (а таких в каждом графстве было две трети) поверить в то, что все их надежды и чаяния связаны с Бэконом. Затем этот человек обвинил губернатора в том, что тот беспечен и нечестив, вероломен и ни на что не способен, назвал законы и налогообложение несправедливыми и тяжелыми и провозгласил абсолютную необходимость перемен».

Таким образом, Бэкон вдохновил мятеж, и, когда возбужденная толпа пошла за ним, сохраняя верность, он слушал единомышленников, когда они составляли длинное обращение и ставили под ним подписи по кругу, с тем чтобы зачинщиков впоследствии было невозможно определить. Заворожив и заманив их в этот круг, угостив бренди, чтобы закончить свой магический обряд, Бэкон связал этих людей клятвой верности друг другу и ему самому, и эта клятва была принесена. Затем он отправился в графство Нью-Кент, чтобы поднять там восстание.

Восстание Бэкона началось с конфликта по поводу того, что делать с индейцами, которые жили поблизости, у западных границ колонии, постоянно угрожая ей. Белые поселенцы, чьи интересы были проигнорированы при распределении огромных земельных наделов вокруг Джеймстауна, ушли в поисках свободных земель на запад, где и столкнулись с коренными жителями Америки. Были ли эти виргинцы из пограничных районов возмущены тем, что политики и земельные аристократы, контролировавшие колониальную власть в Джеймстауне, сначала вытолкнули их на западные индейские земли, а потом проявляли нерешительность в борьбе с аборигенами? Этим можно объяснить характер бунта, который сложно классифицировать как антиаристократическое или антииндейское выступление, поскольку в нем были элементы и того, и другого.

А губернатор Уильям Беркли со своей джеймстаунской свитой – не заняли ли они более примирительную позицию по отношению к индейцам (ведь некоторых из этих людей они сделали своими шпионами и союзниками), после того как монополизировали земли на востоке, чтобы использовать белых жителей фронта как буфер и гарантов необходимого мира? Похоже, что у властей в их отчаянных усилиях по подавлению восстания был двойной мотив: с одной стороны, выработка политики в отношении туземцев, которая вызвала бы среди племен раскол, с целью установления контроля над ними (ведь в Новой Англии в то же самое время сын вождя Массасойта Метакком угрожал объединить под своим началом племена и нанести серьезный ущерб поселениям пуритан в «войне короля Филиппа»); с другой – необходимо было приучить белых бедняков в Виргинии к мысли, что от восстания нет проку, показав превосходящие силы, вызвав подкрепление из самой Англии и устроив массовые повешения.

Эскалация насилия происходила на фронтире и до мятежа. Группа индейцев доэгов забрала несколько домашних свиней для возмещения долга, и белые, вызволяя животных, убили двух туземцев. Тогда доэги убили белого пастуха, после чего отряд белых ополченцев уничтожил 24 индейца. В свою очередь это привело к индейским набегам, численно превосхо-

дившие поселенцев аборигены прибегли к партизанским методам. Палата депутатов в Джеймстауне объявила краснокожим войну, одновременно предложив не трогать тех из них, кто склонится к сотрудничеству. Похоже, это разозлило жителей пограничья, которые требовали тотальной войны, но при этом сопротивлялись повышению налогов на оплату военных расходов.

Жизнь в 1676 г. была тяжелой. «Это было время истинной нужды, настоящей бедности... Все тогдашние источники указывают на то, что огромная масса людей находилась в очень стесненном материальном положении», – пишет У. Уошберн, который, используя английские колониальные архивы, провел исчерпывающее исследование восстания Натаниэла Бэкона. Стояло сухое лето, уничтожившее урожаи маиса, этой важнейшей продовольственной культуры, и табака, необходимого для экспорта. Семидесятилетний губернатор Беркли, уставший от своих должностных обязанностей, утомленно писал: «Как несчастен тот, кому довелось управлять народом, в котором шесть из семи человек бедны, погрязли в долгах и вооружены».

Его фраза «шесть из семи» наводит на мысль о существовании высшего класса, не так затронутого бедностью. И в самом деле, такой класс в Виргинии уже развивался. Сам Бэкон, имевший крупный земельный надел, был представителем этого класса и, наверное, с большим энтузиазмом убивал бы индейцев, чем восстанавливал справедливость от имени бедняков. Но ему суждено было стать символом массового недовольства виргинским истеблишментом, и весной 1676 г. Бэкон избрали в палату депутатов. Когда он стал настаивать на том, чтобы организовать не подчиняющиеся официальным властям вооруженные отряды для борьбы с индейцами, губернатор назвал его мятежником и арестовал. После этого 2 тыс. виргинцев вошли в Джеймстаун, чтобы поддержать Бэкона. Беркли освободил его в обмен на извинения со стороны последнего, но Бэкон не остановился, собрал свой отряд милиции¹³ и принялся совершать рейды против индейцев.

Провозглашенная в июле 1676 г. руководителем восстания «Декларация народа» представляет собой смесь популистского недовольства богачами и характерной для фронта ненависти к индейцам. В ней правительство Беркли обвинялось во взимании несправедливых налогов, фаворитизме при распределении высоких постов, монополизации торговли бобровыми шкурками, а также в том, что оно не защищало фермеров западных районов от индейцев. После этих заявлений Бэкон напал на дружественно настроенных туземцев племени паманки, убив восемь человек, пленив остальных и разграбив их имущество.

Факты подтверждают, что как рядовые бойцы мятежной армии Бэкона, так и рядовые солдаты, подчиненные официальным властям Беркли, не испытывали такого энтузиазма, как их вожди. По данным У. Уошберна, с обеих сторон были случаи массового дезертирства. Осенью Бэкон, которому тогда было 29 лет, заболел и умер, так как, по свидетельству современника, в «теле его завелись тучи паразитов». Священник, явно ему не симпатизировавший, написал такую эпитафию:

Бэкон мертв,
И сердцем мне жаль,
Что вши и хвори
Сыграли роль палача.

Восстание вскоре прекратилось. Корабль, на борту которого находилось 30 вооруженных ружьями человек и который курсировал по реке Йорк, стал базой обеспечения порядка, а его капитан Томас Грэнтам силой и обманом разоружал оставшихся бунтовщиков. Приблизив-

¹³ Милиция – местное ополчение в североамериканских колониях Англии, позднее в США. Отряды милиции стали прообразом современных военизированных формирований в штатах, составляющих так называемую Национальную гвардию.

шись к главному гарнизону восставших, он обнаружил 400 вооруженных англичан и негров, где вместе были и свободные, и сервенты, и рабы. Грэнтам обещал простить всех, а невольникам и законтрактованным слугам дать свободу, после чего гарнизон сложил оружие и рассеялся, за исключением 80 негров и 20 англичан, настоявших на том, чтобы сохранить свое оружие. Капитан обещал довести их до гарнизона вниз по реке, но, как только эти люди поднялись на борт, взял их под прицел своих орудий, разоружил и позже передал рабов и сервентов их хозяевам. Оставшиеся гарнизоны были ликвидированы по одиночке один за другим. Двадцать три лидера восставших были повешены.

В Виргинии существовала сложная цепочка угнетения. Индейцев грабили белые покорители фронта, которых, в свою очередь, облагала налогами и контролировала элита Джеймстауна. И вся колония целиком эксплуатировалась Англией, закупавшей там табак по установленным ею же ценам и ежегодно зарабатывавшей для короля по 100 тыс. фунтов стерлингов. Сам Беркли, вернувшийся в метрополию за несколько лет до описываемых событий, чтобы выступить против английских Навигационных актов¹⁴, которые предоставляли британским купцам монополию на колониальную торговлю, говорил: «...мы не можем не возмущаться тем, что 40 тыс. человек должны нести убытки ради обогащения каких-то 40 торговцев, которые, являясь единственными покупателями табака, платят нам за него столько, сколько сочтут нужным, а потом продают его по ценам, которые им нравятся, и таким образом имеют в нашем лице 40 тыс. сервентов, работающих за меньшую плату, чем та, за которую трудятся рабы на рабовладельцев».

Из показаний Беркли следует, что восстание против него опиралось на повсеместную поддержку жителей Виргинии. Член губернаторского совета отмечал, что ренегатство было «почти всеобщим», и связывал это с «подлым характером некоторых отчаявшихся людей», которые имели «напрасные надежды на то, что смогут вырвать всю страну из рук Его Величества и взять в свои руки». Другой член этого же совета, Ричард Ли, отмечал, что восстание Бэкона началось в связи с политикой в отношении индейцев. Но «рьяная поддержка» Бэкона большинством людей была связана, по его словам, с «надеждами на сглаживание различий».

Под «сглаживанием» понималось равномерное распределение богатства. Идея уравниательства стояла за бесчисленными выступлениями белой бедноты против состоятельных людей во всех английских колониях еще за полтора столетия до революции.

Сервенты, которые присоединились к восстанию Бэкона, были частью многочисленного низшего класса несчастных белых бедняков, прибывших в североамериканские колонии из европейских городов, власти которых были счастливы от них избавиться. В Англии развитие торговли и капитализма в XVI–XVII вв., огораживание земель для производства шерсти привели к наполнению городов скитающимися бедняками, и со времен правления Елизаветы I принимались законы, каравшие этих людей и предписывавшие отправлять их в работные дома или в ссылку. В ту эпоху в когорту этих «негодяев и бродяг» включали:

«...Всех тех, кто, попрошайничая, называет себя школярами; всех моряков, которые делают вид, что потеряли свои корабли и товары в море и слоняются по стране, выпрашивая милостыню; всех праздношатающихся людей по любой сельской местности, которые или попрошайничают, либо занимаются всякими таинственными ремеслами или нелегальными играми... актеров, выступающих в интермедиях, и бродячих музыкантов... всех этих странников и простых работников, слоняющихся без дела и отказывающихся трудиться за разумную оплату, которую обычно предлагают».

¹⁴ Навигационные акты, или законы о мореплавании, – 29 актов, принятые английским парламентом в 1651–1761 гг. и имевшие целью поставить колонии в полную торгово-экономическую зависимость от метрополии. Жесткое требование Великобритании исполнять эти акты после 1763 г. вызвало напряженность в отношениях между метрополией и ее 13 североамериканскими колониями и в конце концов стало прологом Войны за независимость 1775–1783 гг.

Такие уличенные в попрошайничестве люди могли быть раздеты по пояс и выпороты до крови, высланы из города, отправлены в работные дома или высланы из страны.

В XVII–XVIII вв. вследствие насильственной высылки, из-за соблазна, обещаний и лжи, похищений людей, срочной необходимости бегства от условий жизни в родной стране бедняки, желавшие отправиться в Америку, стали товаром для торговцев, спекулянтов, капитанов кораблей и в конце концов их американских хозяев. Э. Смит в своем исследовании «Колонисты в кабале», посвященном институту законтрактованного рабства, пишет: «Из всего комплекса причин, вызывавших эмиграцию в американские колонии, одна выделяется как основная при переезде сервентов. Это – извлечение финансовых прибылей от их перевозки».

Иммигрантов, подписавших договор, по которому они обязывались оплатить стоимость проезда, отработав на своего хозяина пять или семь лет, часто сажали в тюрьму, до тех пор пока корабль не отправлялся в плавание, с тем, чтобы они не сбежали. В 1619 г. виргинская палата депутатов, учрежденная в том же году и ставшая первым в Америке представительным органом власти (кстати, тогда же были завезены первые чернокожие рабы), предусматривала регистрацию и контроль за соблюдением договоров между сервентами и хозяевами. Как и в любом контракте между разными по силам сторонами, на бумаге они представляли как равноправные, но контроль за соблюдением договора был гораздо проще для хозяина, чем для законтрактованного слуги.

Путешествие в Америку длилось восемь, десять или двенадцать недель, и сервентов запикивали на суда с тем же фанатичным стремлением к наживе, что и в тех случаях, когда перевозили рабов. Если переход занимал больше времени, чем предполагалось (например, из-за того, что испортилась погода), на судах заканчивалась провизия. Шлюп «Сифлауэр», вышедший из Белфаста в 1741 г., находился в море 16 недель, и к моменту его прибытия в Бостон 46 из 106 пассажиров умерли от голода, причем шесть человек были съедены оставшимися в живых. Во время другого плавания 32 ребенка погибли от голода и болезней, а трупы их были выброшены в океан. Музыкант Готтлиб Миттельбергер, отправившийся из Германии в Америку примерно в 1750 г., так писал о своем путешествии:

«Во время плавания корабль полон всяческих печальных признаков страданий – запахи, дым, нечистоты, рвота, различные проявления морской болезни, лихорадка, дизентерия, головные боли, жар, запоры, нарывы, цинга, рак, стоматит и тому подобные напасти, вызванные тем, что пища хранится слишком долго и сильно пересолена, особенно мясо, а вода крайне плохого качества и отвратительна... Прибавьте к этому нехватку продуктов, голод, жажду, мороз, жару, сырость, страх, мучения, притеснения, сетования, равно как и прочие неприятности... В день сильнейшего шторма находившуюся на нашем судне беременную женщину, которая не могла родить в таких условиях, выбросили в море через одно из орудийных отверстий».

Законтрактованных слуг покупали и продавали, как рабов. В объявлении в «Виргиния газетт» от 28 марта 1771 г. говорилось: «Только что в Лидстаун прибыл корабль «Юстиция» с примерно сотней физически здоровых сервентов – мужчин, женщин и мальчиков... Продажа состоится во вторник, 2 апреля».

Радужным отчетам о более высоком уровне жизни в Северной и Южной Америке можно противопоставить многие другие документальные свидетельства, как, например, это письмо иммигранта: «Те, кто хорошо живет в Европе, так же хорошо будут жить и здесь. Что касается нищеты и страданий, то они здесь есть, как и везде, а для некоторых людей их условия жизни несравнимо хуже, чем в Европе».

Побои и наказания кнутом были обычным делом. Служанок насиловали. Один из современников вспоминал: «Я видел, как надсмотрщик бил сервента палкой по голове, пока не потекла кровь, за промах, о котором и говорить не стоит». В судебных протоколах Мэриленда есть немало свидетельств самоубийств среди сервентов. В 1671 г. виргинский губернатор Беркли докладывал, что за прошедшие годы четверо из пяти законтрактованных слуг после

прибытия умирали от болезней. Многие из них были детьми из бедных семей, которых сотнями хватали на улицах английских городов и отправляли в Виргинию на работы.

Хозяин пытался полностью контролировать и интимную жизнь сервентов. В его экономических интересах было удержать женщин от выхода замуж или вступления в интимную связь, поскольку деторождение мешало бы работе. Бенджамин Франклин, писавший в 1736 г. под псевдонимом Бедный Ричард, давал такой совет своим читателям: «Пусть ваша служанка будет вам верной, выносливой и непритязательной».

Сервенты не имели права без разрешения вступать в брак, могли быть отлучены от семьи, подвергнуты наказанию кнутом за различные нарушения. В пенсильванском законе XVII в. говорилось, что брак людей этой категории «без согласия хозяина... должен рассматриваться как прелюбодеяние или внебрачная связь, а дети должны считаться внебрачными».

Хотя в колониальных законах предусматривалось и предотвращение злоупотреблений по отношению к сервентам, эти законы не слишком рьяно исполнялись, о чем можно узнать из фундаментального исследования судебных дел раннего периода – труда Ричард Морриса «Власти и трудовые отношения в колониальной Америке». Сервенты не участвовали в судах присяжных. Этим правом обладали только хозяева. (Не имея имущества, законтрактованные слуги были лишены и права голоса.) В 1666 г. один из судов Новой Англии обвинил супружескую пару в смерти сервента, происшедшей после того, как хозяйка отрезала этому человеку пальцы ног. Жюри присяжных проголосовало за оправдание. В 60-х гг. XVII в. хозяин был обвинен в изнасиловании двух своих служанок. Было также известно, что он избивает жену и детей; заковал в цепи и избил другого сервента до смерти. Суд вынес этому человеку порицание, но снял обвинения в изнасиловании, несмотря на убедительные доказательства.

Иногда сервенты бунтовали, но на американском материке не было крупномасштабных заговоров этой категории людей, как, например, на Барбадосе или островах Вест-Индии. (Э. Смит считает, что это связано с большими шансами на успех при восстании на маленьком острове.)

Однако в 1661 г. в виргинском графстве Йорк сервент по имени Айзек Френд, будучи не удовлетворен качеством пищи, предложил своему товарищу «собрать 40 человек, раздобыть ружья, и он возглавит этих людей, и пойдут они с криком: «Кто за свободу, кто за освобождение от рабства?», и будет их достаточно много, и они пройдут по стране, убивая сопротивлявшихся, и станут свободными или погибнут». Этот план так и не был реализован, но два года спустя сервенты в графстве Глостер вновь задумали всеобщее восстание. Один из них выдал заговорщиков, четверо из которых были казнены. Донositелю даровали свободу и выдали 5 тыс. фунтов табака. Несмотря на то что выступления законтрактованных слуг были редкостью, угроза их всегда существовала, и этого боялись хозяева.

Считая свое положение невыносимым, а бунт – обреченным на неудачу во все более организуемом обществе, сервенты действовали индивидуальными методами. В делах судов графств Новой Англии есть свидетельства о том, как законтрактованный слуга ударил хозяина вилами. Сервент-подмастерье был обвинен в «рукоприкладстве... по отношению к своему хозяину и в том, что дважды опрокинул его на землю, пустил кровь, угрожал сломать ему шею, размахивал у него перед лицом стулом». Одну служанку привлекли к суду за то, что она «плоха, неуправляема, угрюма, беспечна, вредна и упряма».

После того как сервенты приняли участие в восстании Бэкона, легислатура Виргинии приняла законы для наказания восставших слуг. В преамбуле к одному из них говорилось:

«Принимая во внимание, что многие склонные ко злу сервенты в эти времена страшного бунта, воспользовавшись неопределенностью и свободой нынешнего времени, оставили службу и присоединились к бунтовщикам, полностью пренебрегая работой на своих хозяев, указанные хозяева терпят огромные убытки и ущерб».

В той же колонии были оставлены две роты солдат, призванных предотвратить беспорядки в будущем, и их присутствие так обосновывалось в отчете лордам, входившим в состав Комитета по торговле и плантациям: «Сейчас Виргиния бедна и населена более, чем когда-либо ранее. Среди сервентов растет смута, связанная с их большими нуждами и желанием получить одежду; они могут разграбить склады и суда».

Бежать было проще, чем бунтовать. «В южных колониях имели место массовые побегі кабальных слуг», – заключает Р. Моррис на основе изучения колониальных газет в XVIII в. Он пишет: «Атмосфера Виргинии XVII столетия была полна всякими заговорами и слухами о сговорах сервентов в целях побега». Из судебных архивов Мэриленда следует, что в 50-х гг. XVII в. имел место заговор дюжины людей этой категории, которые планировали захватить лодку и оказать вооруженное сопротивление в случае провала. Их схватили и выпороли.

Механизм контроля был внушительным. Чужаки обязаны были предъявлять паспорта или сертификаты, доказывавшие, что они свободные люди. Соглашения между колониями предусматривали экстрадицию беглых кабальных слуг, что стало основой для внесения в Конституцию США положения о том, что лицо, «содержащееся в услужении или на работе в одном штате... и бежавшее в другой штат... должно быть выдано»¹⁵.

Иногда сервенты бастовали. Один хозяин из Мэриленда в 1663 г. подал жалобу в провинциальный суд, заявив, что его слуги «категорически отказываются выходить и делать повседневную работу». Последние ответили, что их кормят только «бобами с хлебом» и потому они «так слабы, что не способны выполнять работу, которую он нам поручает». По приговору суда сервенты получили по 30 ударов плетью.

Более половины поселенцев, прибывших к североамериканским берегам в колониальный период, появились там в качестве законтрактованных слуг. Если в XVII в. это были в большинстве своем англичане, то в XVIII столетии – ирландцы и немцы. По мере того как они совершали побег или заканчивался срок их контракта, этих людей все в большей степени заменяли рабы, но даже в 1755 г. белые сервенты составляли десятую часть населения Мэриленда.

Что происходило с этими последними, когда они обретали свободу? Есть бодрые свидетельства того, как бывшие сервенты становились процветающими гражданами – землевладельцами и важными персонами. Но Э. Смит, который тщательно изучал этот вопрос, приходит к выводу, что колониальное общество «не было демократическим и уж точно не было эгалитарным; в нем господствовали люди, у которых было достаточно средств, чтобы заставить других работать на себя». И «не многие из них были потомками законтрактованных слуг, и практически никто не принадлежал к этому классу сам».

После того как мы сумеем пробраться сквозь презрение, которое Смит испытывает к сервентам, считая их «грязными и ленивыми, грубыми и невежественными, распутными и часто нарушающими закон мужчинами и женщинами», которые «воровали и бродяжничали, имели незаконнорожденных детей и растлевали общество отвратительными болезнями», мы узнаем, что «примерно каждый десятый был разумным и основательным человеком, который, если бы ему повезло пережить свой «срок выдержки» и отработать до конца по договору, взял бы себе землю и добился достойной жизни». Возможно, еще один из каждых десяти стал бы ремесленником или надсмотрщиком. Остальные 80 %, которые «точно были... ленивыми, безнадежными и загубленными личностями», либо «умерли во время действия договора, вернулись в Англию после его окончания, либо стали «белыми бедняками».

Вывод Смита подтверждается более поздним исследованием жизни сервентов в Мэриленде XVII в., по данным которого первые группы этих людей стали землевладельцами и

¹⁵ Речь идет о Разделе 2 Статьи IV, который гласит: «Ни одно лицо, содержащееся в услужении или на работе в одном штате по законам одного и бежавшее в другой штат, не освобождается в силу какого-либо закона или постановления последнего от услужения или работы, а должно быть выдано по заявлению той стороны, которая имеет право на таковое услужение или работу».

играли определенную роль в политической жизни колонии, но ко второй половине столетия более половины кабальных слуг – даже после десяти лет жизни на свободе – оставались безземельными. Сервенты становились арендаторами и являлись источником дешевой рабочей силы для крупных плантаторов, как во время действия договора, так и после его окончания.

Очевидно, что классовые противоречия в колониальный период усиливались, различия между богатыми и бедными становились все более резкими. К 1700 г. в Виргинии насчитывалось 50 богатых семейств, обладавших состоянием, эквивалентным 50 тыс. фунтов стерлингов (по тем временам огромная сумма), живших за счет труда чернокожих рабов и белых сервентов, владевших плантациями; представители этих семейств заседали в губернаторском совете и занимали должности местных мировых судей. В Мэриленде поселенцами правил владелец колонии, чье право тотального контроля над ней было даровано английским королем¹⁶. В 1650–1689 гг. против лорда-собственника пять раз поднимались восстания.

Фундаментальные законы Северной и Южной Каролины были написаны в 60-е гг. XVII в. Джоном Локком, которого часто считают философским предтечей отцов-основателей и американской системы. В локковском документе устанавливался аристократический режим правления феодального типа, при котором восьмерым баронам принадлежало 40 % земель колонии, а один из них мог занимать пост губернатора. Когда после бунта, связанного с распределением земель, британская корона взяла под свой прямой контроль Северную Каролину, богатые земельные спекулянты присвоили себе свыше полумиллиона акров, монополизировав прилегающие к побережью пригодные для сельского хозяйства угодья. Бедняки, страдавшие от безземелья, скваттерскими способами вели хозяйство на небольших участках и весь дореволюционный период боролись против попыток землевладельцев взимать с них ренту.

Исследование положения в колониальных городах «Города в глуши», проведенное К. Брайденбо, также выявляет ясно очерченную классовую систему:

Первые бостонские лидеры были господами с весьма внушительным состоянием, которые при поддержке духовенства настойчиво стремились сохранить в Америке социальные установки метрополии. Обладая средствами контроля за ремеслом и коммерцией, политически доминируя над населением посредством церкви и городского собрания, а также заключая между собой продуманные брачные союзы, члены этой небольшой олигархической группы закладывали основы аристократического класса в Бостоне XVII в.

Вскоре после основания колонии Массачусетской бухты, в 1630 г., губернатор Джон Уинтроп провозгласил философию правящих кругов: «...во все времена некоторые люди должны быть богатыми, некоторые – бедными, некоторые должны занимать высокое положение и иметь сан; остальные – находиться в более низком положении и зависимости».

Состоятельные купцы воздвигали особняки; лица «высшего сорта» путешествовали в каретах и паланкинах, носили напудренные парики, питались изысканной пищей, запивая ее мадерой, а художники писали их портреты. В законодательное собрание Массачусетса в 1678 г. поступила следующая петиция из городка Дирфилда: «Возможно, вам будет приятно узнать, что лучшие земли, лучшие почвы, наиболее удачно расположенные, лежат в центре города; что же до количества их, то около половины принадлежит восьми или девяти владельцам».

К. Брайденбо обнаружил, что в Ньюпорте (Род-Айленд), как и в Бостоне, «городские собрания, при всей кажущейся демократичности, на деле год от года становились все более подконтрольны одной и той же группе купцов-аристократов, которые занимали большинство наиболее важных постов». Современник описывал ньюпортских торговцев «...людьми в огненно-красном верхнем платье и камзолах с ярко-желтой тесьмой и бахромой. Хитрые

¹⁶ В 1632 г. Карл I пожаловал Сесилию Калверту, второму лорду Балтимору, хартию на владение еще не заселенной белыми северной части Виргинии. Колония получила название по имени жены британского короля.

квакеры, не рискуя носить такие наряды, но обожая пышное убранство, украшали столовым серебром свои буфеты».

Нью-йоркская аристократия была наиболее хвастливой. Брайденбо поведал об «оконных драпировках из камлота, покрытых черным лаком столиках, зеркалах в позолоченных рамах, спинетах и массивных часах с заводом на восемь дней... богато отделанной мебели, драгоценностях и посуде... В домах прислуживали чернокожие».

В колониальный период Нью-Йорк был подобен феодальному королевству. Голландцы создали систему огромных поместий вдоль реки Гудзон, которыми владели так называемые патроны. Землевладельцы-бароны полностью контролировали арендаторов, живших на их землях. В 1689 г. многие жалобы бедноты совпали с выступлением фермеров под предводительством Джекоба Лейслера¹⁷. Его повесили, а распределение огромных участков продолжилось. В бытность губернатором Бенджамина Флетчера три четверти земель в колонии Нью-Йорк было даровано примерно 30 персонам. Так, Флетчер подарил своему другу полмиллиона акров за номинальную ежегодную плату в 30 шиллингов. В начале XVIII в. при лорде Корнбери одной группе земельных спекулянтов передали площади размером в 2 млн. акров.

В 1700 г. церковные старосты города Нью-Йорка попросили у городского совета средства, поскольку «крики бедных и слабых о помощи слишком тяжело слушать». В 30-х гг. XVIII в. начали усиливаться требования создать учреждения, в которых бы содержались «многие попрошайки, ежедневно в страданиях бродящие по улицам». В резолюции городского совета говорилось:

«Принимая во внимание возникшую необходимость, связанную с тем, что число бедных в сем городе крайне велико и постоянно растет... и оные регулярно совершают правонарушения в сем городе, живут здесь, бродяжничая и не работая, дебоширя и совершенствуясь в воровстве и дебоширстве... для избавления от чего... постановляем, что должно построить... хороший, крепкий и удобный дом и обитель».

Двухэтажное строение получило название «Дом для бедных, Работный дом и Исправительный дом».

В 1737 г. в письме читателя в нью-йоркскую газету «Джорнэл»¹⁸, издававшуюся Питером Зенгером, описывался бедный местный уличный мальчишка: «Субъект в человеческом облике – полуголодный и замерзший, в разорванной на локтях одежде, с проглядывающими сквозь дырявые штаны коленями, всклокоченными волосами... В возрасте примерно с 4 до 14 лет они [эти дети] проводят свои дни на улицах... а затем их берут в подмастерья, и так они живут еще четыре, пять или шесть лет».

В XVIII в. колонии быстро росли. К английским поселенцам присоединились шотландцы из Ольстера (Северная Ирландия) и выходцы из Германии. Завозилось множество чернокожих рабов; в 1690 г. они составляли 8 % населения, в 1770 г. – уже 21 %. В 1700 г. колонистов было 250 тыс. человек, а к 1760 г. их численность возросла до 1,6 млн. Развивались сельское хозяйство, мелкое товарное производство, судоходство и торговля. Население крупных городов: Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии, Чарлстона – удвоилось и утроилось.

В ходе этого развития высший класс получал большую часть преимуществ и монополизировал политическую власть. Историк, исследовавший налоговые списки бостонцев за 1687 и 1771 гг., обнаружил, что в 1687 г. при населении 6 тыс. человек насчитывалось около 1 тыс.

¹⁷ Имеется в виду восстание 1689 г. под предводительством Дж. Лейслера в поддержку английской Славной революции, свергнувшей короля Якова II. Восставшим удалось захватить форт на острове Манхэттен, взять под контроль всю южную часть Нью-Йорка и поставить под угрозу нападения земли Канады. Из-за пассивности других колоний восстание было подавлено новым губернатором Нью-Йорка полковником Генри Слоутером, а обвиненный в предательстве Лейслер казнен в 1691 г.

¹⁸ Полное название – «Нью-Йорк уикли джорнэл». Еженедельная газета эмигранта из Германии Джона Питера Зенгера (1697–1746), выходившая с 1733 г. и публиковавшая оппозиционные властям статьи. Зенгер был арестован по обвинению в клевете, но суд присяжных его оправдал (1735). В 1737 г. его назначили официальным печатником колонии Нью-Йорк, а в 1738 г. и Нью-Джерси. После смерти Зенгера газета продолжала выходить под руководством его жены и сына до 1751 г.

собственников, а верхушка – 5 % владельцев имущества, или 1 % горожан, – состояла из 50 богачей, в руках которых была сконцентрирована четвертая часть всей собственности. К 1770 г. 1 % бостонцев принадлежало 44 % всех богатств.

По мере того как в период между 1687 и 1770 гг. Бостон рос, численность взрослых мужчин, которые были бедны, возможно, снимали комнату для жилья или спали в задней комнате таверны и не имели собственности, удвоилась с 14 до 29 % взрослого мужского населения. А утрата собственности означала автоматическую потерю права участия в выборах.

Бедняки везде боролись за выживание, хотя бы за то, чтобы не замерзнуть в холодную погоду. В 30-х гг. XVIII в. во всех городах появились дома призрения не только для стариков, вдов, инвалидов и сирот, но и для безработных, ветеранов войн, вновь прибывших иммигрантов. В середине столетия в Нью-Йорке в городской ночлежке, рассчитанной на 100 бедняков, жили свыше 400 человек. В 1748 г. один житель Филадельфии писал: «Удивительно, как много нищих прибавилось в городе за последнюю зиму». В 1757 г. бостонские чиновники говорили об «огромном множестве бедняков... которые едва протягивают день ото дня, добывая хлеб себе и семьям».

В своем исследовании Новой Англии колониального периода К. Локридж обнаружил, что количество бродяг и пауперов продолжало увеличиваться, а «странствующие нищие» были отличительной чертой жизни Новой Англии середины XVIII в. Дж. Лемон и Г. Нэш выявили похожую концентрацию богатства в одних руках и расширение пропасти между богатыми и бедными при изучении состояния дел в пенсильванском графстве Честер XVIII столетия.

Очевидно, что колонии были обществами противоборствующих классов – факт, который остается в тени в традиционных исторических исследованиях, делающих акцент на внешней борьбе против Англии, на единстве колонистов в период революции. Следовательно, нация не «рождалась в свободе», а одновременно появились раб и фримен, сервент и хозяин, арендатор и лендлорд, бедняк и богач. По мнению Нэша, в результате этих процессов политической власти «часто, громогласно и яростно» противостояла оппозиция. «Последняя четверть XVII в. отмечена вспышками беспорядков, грозивших опрокинуть признанные власти Массачусетса, Нью-Йорка, Мэриленда, Виргинии и Северной Каролины».

Свободные белые рабочие чувствовали себя лучше, чем рабы или сервенты, однако тоже сопротивлялись несправедливому отношению к ним со стороны состоятельных сословий. Еще в 1636 г. работодатель с побережья Мэна сообщал, что его наемные работники и рыболовы «впали в мятеж» из-за задержанной им выплаты заработанного. Они в массовом порядке уходили. Пять лет спустя плотники в том же Мэне в знак протеста против плохого питания снизили темпы работы. В 40-х гг. XVII в. на судоверфях Глостера произошло событие, которое Р. Моррис называет «первым локаутом в истории американского рабочего движения» и которое было вызвано тем, что власти заявили группе недовольных корабельных плотников, что те не могут «более не ударять палец о палец».

Происходили забастовки бондарей, мясников, пекарей, протестовавших против правительственного контроля над размером их вознаграждения. В 50-х гг. XVII столетия подсобные рабочие в Нью-Йорке отказывались таскать мешки с солью, а бастовавших в этом городе возчиков (кучера, погонщики, носильщики) наказывали «за несоблюдение указаний и неисполнение обязанностей на рабочих местах». В 1741 г. пекари объединились и отказались печь хлеб из-за того, что им приходилось платить слишком высокие цены за пшеницу.

В 1713 г. острый дефицит продуктов питания в Бостоне заставил городских избранников выступить с предупреждением, адресованным законодательному собранию Массачусетса, о том, что «угрожающая нехватка провизии» приводит к столь «нелепым ценам, что будет крайне затруднительно удовлетворить потребности бедноты во время приближающейся зимы». Богатый купец Эндрю Белчер экспортировал пшеницу в регион Карибского моря, получая там более высокие прибыли. Взбунтовавшиеся 19 мая 200 горожан собрались на централь-

ной площади Бостона. Они напали на принадлежавшие Белчеру суда, в поисках зерна взломали его амбары и застрелили вице-губернатора, попытавшегося этому помешать.

Спустя восемь лет после этого хлебного бунта автор одного из памфлетов протестовал против тех, кто разбогател, «в муку перемалывая бедняков» и раздумывая над тем, как «подавить, обмануть и перехитрить соседей своих». Он осуждал «богатых, великих и могущественных», которые «с ненасытной жестокостью обрушиваются на всех вокруг».

В 30-х гг. XVIII в. бостонцы, протестовавшие против установленных торговцами высоких цен, разрушили рынок на Док-сквер и, как жаловался консервативный автор, при этом «роптали по поводу правительства и богачей». В этом случае аресту никого не подвергли, так как демонстранты предупредили, что, если это произойдет, они приведут еще «500 мужчин торжественным строем», которые разнесут и другие рынки, созданные на благо богатым торговцам.

Примерно тогда же в Нью-Йорке в предвыборном памфлете содержался призыв к местным избирателям поддержать «Челнока-Ткача, Доску-Столяра, Повозку-Возчика, Ступку-Каменотеса, Дёгтя-Моряка, Кромсалу-Портного, Справедливого хозяина с малой рентой да Бедняка Джона-Арендатора», объединившись против «Притеснителя-Купца, Выжимателя соков – Лавочника, Ловкача-Адвоката». Звучал призыв отстранить от власти «обладателей высоких постов», презиравших «тех, кого они называли грубиянами, толпой, сборищем мастеровых».

В 30-х гг. XVIII столетия один из комитетов городского собрания Бостона выступил в защиту горожан-должников, которые добивались введения в оборот бумажных ассигнаций для упрощения выплаты своих долгов купеческой элите. Они заявили, что не хотят «иметь хлеб и воду, розданные теми, кто предаётся разгулу, живя в роскоши и распутстве за счет нашего пота и тяжкого труда».

Бостонцы бунтовали также против насильственной вербовки мужчин в военно-морской флот. Они окружили дом губернатора, избили шерифа, посадили под замок помощника шерифа и штурмом взяли здание, в котором заседало законодательное собрание. Милиция никак не отреагировала на приказ подавить выступление, и губернатору пришлось бежать. Действия толпы осудила группа торговцев, назвавшая ее «мятежным буйным сборищем иноземных моряков, сервентов, негров и других людей низкого происхождения».

В 40—50-х гг. XVIII в. малоимущие фермеры Нью-Джерси, оккупировавшие земли, на которое одновременно претендовали и крупные землевладельцы, восставали, когда от них потребовали выплаты ренты. В 1745 г. Сэмюэл Болдуин, в течение долгого времени живший на своем участке и получивший на него право от индейцев, был арестован за неуплату ренты лендлорду и помещен в ньюаркскую тюрьму. Современник так описал события, происшедшие далее: «Простые люди, заподозрив землевладельцев в плане по их уничтожению... пошли к темнице, открыли ее двери и освободили Болдуина».

Когда затем двое мужчин, участвовавших в этом событии, были арестованы, у здания тюрьмы собрались сотни граждан Нью-Джерси. В отчете, направленном властями колонии в Лондон, в Торговую палату, происшедшее было описано так:

«Два новых капитана ньюаркских рот по приказу шерифа вышли под барабанный бой к людям и потребовали от всех присутствовавших, кто служил в их ротах, идти вслед за барабанщиками и защищать тюрьму, но никто не пошел за ними, хотя многие там были... Многие... между четырьмя и пятью часами пополудни... спешили и отправились к тюрьме, с криками «ура!» и размахивая палками... когда же они достигли стражи (у коей не было приказа стрелять), то стали бить ее своими дубинками; в ответ охрана начала палить из ружей; несколько человек было ранено с обеих сторон, но никто не погиб. Толпа сломала строй солдат и подступила к воротам тюрьмы, перед которыми стоял шериф со шпагой и сдерживал нападавших, пока его несколько раз не ударили и не отбросили в сторону. После чего топорами и другими

инструментами они сломали тюремные ворота и освободили двоих заключенных, а также третьего, отбывавшего наказание за долги, и ушли прочь».

В течение этого периода Англия участвовала в целом ряде войн (война королевы Анны в первые годы XVIII столетия, война короля Георга в 30-х гг. XVIII в.). Некоторые купцы сколотили на этих событиях целые состояния, но для большинства людей они означали повышение налогов, безработицу и бедность. Автор анонимного памфлета после войны короля Георга так с нескрываемой злобой описывал ситуацию: «Бедность и тревога отпечатаны на каждом лице (кроме выражения лиц богачей) и были у всех на устах». Он также писал о тех немногих, питаемых «страстью к власти, страстью к славе, страстью к деньгам», кто разбогател во время войны: «Неудивительно, что мужи сии могут строить суда и дома, покупать фермы, обустроить экипажи и коляски, жить весьма красиво, купив славу и почетные посты». Автор называет их «хищными птицами... врагами любой общины, где бы они ни жили».

В 1747 г. насильственная вербовка во флот привела к мятежу в Бостоне. Затем толпа повернула против Томаса Хатчинсона¹⁹, богатого купца и колониального чиновника, поддерживавшего губернатора при подавлении выступления, автора монетарной политики Массачусетса, направленной на дискриминацию бедноты. Таинственным образом дом Хатчинсона сгорел, а собравшиеся на улице проклинали этого человека и кричали: «Пусть сгорит!»

К моменту наступления революционного кризиса в 60-х гг. XVIII в. состоятельная элита, контролировавшая британские колонии на американском континенте, обладала 150-летним опытом правления и кое-чему в этой сфере научилась. Ее представители испытывали некоторые страхи, но одновременно выработалась тактика борьбы с тем, чего они боялись.

Так, по наблюдениям этой элиты, индейцы были слишком непокорными, чтобы использовать их в качестве рабочей силы, и продолжали оставаться препятствием для территориальной экспансии. Чернокожих рабов было проще контролировать, и выгода от их труда на южных плантациях привела к огромному росту ввоза невольников, которые становились большинством в некоторых колониях и составляли до пятой части всего тамошнего населения. Но черные были не всегда покорны, а по мере увеличения их численности возрастал и риск восстаний рабов.

Принимая во внимание присутствие враждебно настроенных индейцев и угрозу мятежей чернокожих невольников, колониальная элита должна была учитывать и классовое озлобление белых бедняков: сервентов, арендаторов, городской бедноты, неимущих, простых налогоплательщиков, солдат и матросов. По мере того как в середине XVIII в. колонии преодолевали рубеж столетнего существования, расширялась пропасть между богатыми и бедными, увеличивалось насилие и угроза силовых действий, становилась все более актуальной проблема контроля за ситуацией.

Что произошло бы, если бы все эти разрозненные группы отверженных: индейцы, рабы и белые бедняки – сплотились? Даже в XVII в., когда в колониях еще не было так много чернокожих, по словам Э. Смита, имел место «постоянный страх перед тем, что сервенты объединятся с чернокожими или индейцами и победят оставшихся в меньшинстве хозяев».

Существовала малая вероятность того, что в Северной Америке белые объединятся с индейцами, как это происходило в Южной и Центральной Америке, где не хватало женщин, а туземцы работали на плантациях, что приводило к повседневным контактам. Лишь в Джорджии и Южной Каролине, где белых женщин было мало, практиковались сексуальные связи между белыми мужчинами и индианками. В целом краснокожих вытолкнули за пределы общества, с глаз долой. Лишь одно раздражало: белые бежали, чтобы присоединиться к индейским племенам; детей захватывали во время набегов и воспитывали среди туземцев, и, когда у белых

¹⁹ Томас Хатчинсон (1711–1780) – губернатор Массачусетса (1770–1774), сторонник Закона о гербовом сборе (1765). В 1773 г. настоял на сборе пошлин с грузов чая, что привело к «Бостонскому чаепитию».

была возможность выбора, они предпочитали оставаться в индейской культуре. В свою очередь аборигены, обладая таким выбором, почти никогда не оставались среди европейских поселенцев.

Француз Гектор Сент-Джон де Кревкёр²⁰, проживший в Америке почти двадцать лет, рассказывал в «Письмах американского фермера», как дети, захваченные во время Семилетней войны и найденные позднее своими родителями, после того, как они выросли и жили среди индейцев, отказывались покидать свои новые семьи. Он писал: «В их общественном устройстве должно быть нечто особливо притягательное и намного превосходящее все, чем можем похвастать мы, ибо тысячи европейцев стали индейцами, однако мы не знаем случаев, когда хотя бы один из аборигенов по своей доброй воле стал европейцем!»

Но это касалось немногих. В целом же индейцев держали на расстоянии. А колониальное чиновничество нашло способ частично устранить угрозу: присвоив все хорошие земли на Восточном побережье, они вынудили безземельных белых колонистов переселяться в западные пограничные районы, где те сталкивались с туземцами и служили для живших на побережье богачей буфером, отделявшим их от связанных с индейцами проблем, при том, что эти поселенцы для своей защиты все больше нуждались в помощи властей. Восстание под предводительством Бэкона явилось поучительным опытом: умиротворение сокращающегося аборигенного населения ценой приведения в ярость белых жителей фронта было слишком рискованно. Проще воевать с индейцами, заручившись поддержкой белых, и избегать возможных классовых конфликтов, обратив белую бедноту против краснокожих во имя безопасности элиты.

Могли ли чернокожие и индейцы объединиться против общего бледнолицего врага? В северных колониях (кроме полуострова Кейп-Код, острова Мартас-Виньярд и Род-Айленда, где существовали тесные межрасовые связи, в том числе сексуальные) африканцы и чернокожие не могли часто соприкасаться друг с другом. В колонии Нью-Йорк было самое большое на Севере население рабов и имели место контакты между чернокожими и индейцами. Например, в 1712 г. африканцы вместе с туземцами подняли совместное восстание, которое, было быстро подавлено.

Однако в обеих Каролинах чернокожих рабов и аборигенов численно было больше, чем белых поселенцев. В 50-х гг. XVIII в. на 25 тыс. белых приходилось 40 тыс. негров-невольников; в этом же регионе жили 60 тыс. индейцев племен крик, чироки, чокто и чикасо. Г. Нэш пишет: «Восстания индейцев, которыми отмечен колониальный период, и целый ряд бунтов и заговоров рабов, которые были подавлены в зародыше, болезненно напоминали жителям Южной Каролины о том, что только путем проявления крайней жестокости и проведения политики, направленной на раскол в стане врагов, они могут надеяться на сохранение контроля над ситуацией».

Белые правители Северной и Южной Каролины, похоже, осознавали потребность в политике, суть которой, по словам одного из них, сводилась бы к тому, чтобы не дать «индейцам и неграм возможности удостовериться в том, кто получает значительное численное превосходство и какая из сторон может разгромить нас». И соответственно принимались законы, запрещавшие свободным чернокожим бывать на индейских землях. В договорах, которые заключались с туземными племенами, содержались положения, обязывавшие возвращать беглых рабов. В 1758 г. губернатор Южной Каролины Литлтон писал: «Наше правительство всегда проводило политику, направленную на выработку в них [в индейцах] отвращения к неграм».

²⁰ Джеймс Гектор Сент-Джон де Кревкёр (Кревекер) (настоящее имя Мишель Гийом Жан де Кревкёр, 1735–1813) жил в Америке в 1755–1781 гг. и опубликовал в Европе сборник «Письма американского фермера» (1782), в котором создал идеализированную картину жизни в Америке, ее природы, жизни поселенцев, политического устройства.

Частью этой линии было использование чернокожих рабов в отрядах милиции Южной Каролины, воевавших с индейцами. И тем не менее правительство было обеспокоено возможностью восстания негров, и во время войны с индейцами чироки в 60-х гг. XVIII в. внесенное в законодательную ассамблею колонии предложение снарядить для борьбы с краснокожими 500 невольников не добралось для прохождения одного голоса.

Черные убегали от хозяев в индейские поселения; крики и чироки укрывали сотни беглых рабов. Многие из них были приняты племенами, вступали в браки, рожали детей. Но ситуация оставалась под контролем благодаря сочетанию жестоких кодексов о рабах и взяток индейцам, чтобы те помогали подавлять чернокожих мятежников.

Больше всего страх среди состоятельных белых плантаторов вызывал потенциальный союз белой бедноты и чернокожих. Если бы существовала естественная межрасовая антипатия, наличие которой предполагают некоторые теоретики, вопрос о контроле решался бы проще. Но сексуальная привлекательность всегда преодолевала расовые барьеры. В 1743 г. большое жюри присяжных в городе Чарлстоне (Южная Каролина), осудило «ставшую слишком привычной в этой провинции практику прелюбодеяния в отношении негритянок и других молодых рабынь». Дети от смешанных связей между белыми и чернокожими рождались в течение всего колониального периода, несмотря на законы, запрещавшие межрасовые браки, которые действовали в Виргинии, Массачусетсе, Мэриленде, Делавэре, Пенсильвании, обеих Каролинах и Джорджии. Объявляя этих детей незаконнорожденными, власти заставляли их находиться в черных семьях, с тем чтобы белое население оставалось «чистым» и главенствовало.

В восстании Бэкона правителей Виргинии больше всего напугало то, что в его ходе чернокожие рабы и белые сервенты объединились. В одном гарнизоне сдались «400 вооруженных англичан и негров», в другом – 300 «фрименов и сервентов – африканцев и англичан». Морской офицер, подавивший сопротивление 400 человек, писал: «Я уговорил большинство из них вернуться по домам, что они и сделали, кроме примерно 80 негров и 20 англичан, которые не сдали оружие».

Все эти годы раннего колониального периода чернокожие и белые рабы и сервенты совершали совместные побег, о чем свидетельствуют и законы, принятые для предотвращения таких побегов, и материалы судебных архивов. В 1698 г. в Южной Каролине был принят «закон о восполнении нехватки», требовавший от владельцев плантаций, чтобы на каждых шестеро взрослых чернокожих мужского пола приходился по меньшей мере один белый сервент. В письме из южных колоний, датированном 1682 г., содержалась жалоба на то, что не хватает «белых мужчин, чтобы присматривать за нашими неграми или чтобы подавлять восстание негров». В 1691 г. палата общин получила «петицию от морских торговцев, судовладельцев, плантаторов и прочих, торгующих с иноземными плантациями... где излагается, что плантации невозможно содержать без существенного числа белых сервентов, кои нужны и для сдерживания зависимых чернокожих и кои способны держать в руках оружие в случае вторжения».

В 1721 г. в отчете английскому правительству говорилось, что в Южной Каролине «негры-рабы в последнее время предпринимали попытки и были весьма близки к успеху в устройстве новой революции... и, таким образом, может возникнуть необходимость... предложить новый закон, который поощрял бы оказание гостеприимства белым сервентам в будущем. В милиции этой провинции состояли менее 2 тыс. указанных мужчин». По всей видимости, считалось, что этих ополченцев не хватило бы для адекватной реакции на угрозу.

Этот страх помогает понять, почему в 1717 г. парламент сделал высылку в Новый Свет законным наказанием за преступления. Появилась возможность отправлять тысячи осужденных в Виргинию, Мэриленд и другие колонии. Этим же страхом объясняется и то, почему законодательная ассамблея Виргинии после восстания Бэкона амнистировала только белых сервентов, принимавших в нем участие, но не простила чернокожих. Последним было запрещено иметь какое бы то ни было оружие, в то время как белые, отработавшие по контракту,

могли получить не только кукурузу и наличные деньги, но и мушкеты. Различия статуса белых и чернокожих сервентов становились все более отчетливыми.

В 20-х гг. XVIII в., по мере возрастания страха перед восстанием рабов в Виргинии белым сервентам было дозволено вступать в ополчение в качестве замены белых фрименов. В те же годы в колонии создавались отряды по поиску рабов, с тем чтобы противостоять «великой опасности, которая... может возникнуть при негритянских мятежах». Белые бедняки составляли основу таких патрулей, за что получали денежное вознаграждение.

Расизм все больше входил в повседневную практику. Э. Морган, делая выводы на основе подробного исследования рабства в Виргинии, считает расизм не чем-то «естественным», проистекающим из различий между чернокожими и белыми, а видит его корни в классовом презрении – вполне реалистичном инструменте контроля. «Если бы фримены, чьи надежды не оправдались, нашли общие цели с рабами, питавшими отчаянные надежды, результаты этого могли бы быть хуже всего, что сотворил Бэкон. Решением проблемы, очевидным и постепенно признаваемым, был расизм, разделение представляющих опасность свободных белых и столь же опасных чернокожих рабов барьером расового презрения».

Было и другое средство контроля, становившееся удобным по мере роста колоний и имевшее важнейшие последствия для сохранения власти элиты в течение всей американской истории.

Наряду с очень богатыми и очень бедными развивался средний класс белых мелких плантаторов, независимых фермеров, городских ремесленников, которые, получая небольшие выгоды от объединения усилий с купцами и владельцами плантаций, служили серьезной защитой от чернокожих рабов, индейцев фронта и белой бедноты.

В растущих городах появлялось все больше квалифицированных работников, и власти поддерживали белых ремесленников, защищая их труд от конкуренции с рабами и свободными чернокожими. Еще в 1686 г. городской совет Нью-Йорка выпустил распоряжение, согласно которому «ни один негр или раб не должен работать на мосту в качестве подсобного рабочего, занимаясь погрузкой товаров, импортируемых в этот город или экспортируемых отсюда». В городах Юга белые ремесленники и торговцы тоже были защищены от конкуренции с черными.

В 1764 г. легислатура Южной Каролины запретила чарлстонским хозяевам нанимать чернокожих или других рабов в качестве мастеровых либо на ремесленные работы.

Американцев, принадлежавших к среднему классу, могли приглашать присоединиться к новой элите и в ходе борьбы с коррупцией уже существовавших богачей. В 1747 г. житель Нью-Йорка Кодвалладер Колден²¹ в своем «Обращении к фригольдерам»²² «адресовал свои нападки состоятельным людям, назвав их хитрецами, увиливающими от уплаты налогов, которых не беспокоит благосостояние окружающих (хотя сам он был человеком не бедным). Он защищал честность и надежность «срединного сословия людского рода», которому граждане могут более всего доверить заботу о «нашей свободе и собственности». Это стало крайне важным риторическим инструментом оправдания правления меньшинства, которое, выступая перед большинством, стало говорить о «нашей» свободе, «нашей» собственности, «нашей» стране.

Подобным же образом очень состоятельный бостонец Джеймс Отис²³ апеллировал к местным представителям среднего класса, выступая с нападками на тори Томаса Хатчинсона. Историк Дж. Хенретта показал: «Притом что Бостоном управляли богачи, некоторые политические посты были доступны тем, кто занимал среднюю имущественную ступеньку: «выбравщик бочек», «обмерщик мешков с углем», «смотритель заборов». О. Ленд обнаружил в

²¹ Кодвалладер Колден (1688–1776) – ученый, крайне консервативный политический деятель, вице-губернатор колонии Нью-Йорк.

²² От freeholder (англ.) – фригольдер, земельный собственник.

²³ Джеймс Отис (1725–1783) – радикальный политический деятель, юрист, публицист.

Мэриленде прослойку владельцев мелких плантаций, которые не являлись «бенефициариями» плантаторского общества в той же степени, как богачи, но считались плантаторами и были «уважаемыми гражданами, имевшими перед общиной полномочия наблюдать за качеством дорог, оценивать имущество и тому подобные обязанности». Это помогло предоставить среднему классу доступ к «кругу деятельности, связанному с местной политикой... к балам, скачкам, петушиным боям и периодическим пьяным потасовкам».

В 1756 г. газета «Пенсильвания джорнэл» писала: «Народ этой провинции по преимуществу среднего сословия и в настоящее время удерживается на этом уровне. Здесь живут в основном предприимчивые фермеры, ремесленники либо торговцы; они наслаждаются свободой и любят ее, а злейшие из них полагают, что имеют право на учтивость со стороны великих». И в самом деле, существовал довольно значительный средний класс, подпадающий под эту характеристику. Называть этих людей «народом» означало не принимать во внимание чернокожих невольников, белых сервентов и вытесненных индейцев. А за термином «средний класс» скрывался тот, который долгое время имел прямое отношение к этой стране – то, о чем Р. Хофстедтер сказал: «Это было... общество среднего класса, которым правили по большей части представители высших слоев».

Для того чтобы править, эти последние вынуждены были идти на уступки среднему классу, при этом не нанося ущерба собственному благосостоянию или власти, и делалось это за счет рабов, туземцев и белой бедноты. Этим покупалась лояльность. А чтобы связать эту лояльность с чем-то еще более сильным, чем материальные блага, в 60—70-х гг. XVII в. правящий класс нашел очень полезный инструмент, которым стал язык свободы и равенства, способный объединить достаточное число белых, которые могли сражаться против Англии за революцию, но не ликвидировав при этом ни рабства, ни неравенства.

Тирания есть тирания

Около 1776 г. некие важные в английских колониях персоны совершили открытие, которое, как продемонстрировали последующие двести лет, оказалось весьма полезным. Они обнаружили, что, создав нацию, символ, узаконенное объединение под названием Соединенные Штаты Америки, смогут отобрать земли, доходы и политическую власть у фаворитов Британской империи. При этом они сумеют сдерживать возможные восстания своих противников и добиваться консенсуса общественного мнения, состоящего в поддержке правления новой, привилегированной верхушки.

Если мы посмотрим на Американскую революцию с этой точки зрения, то поймем, что затея была гениальной, и отцы-основатели заслуживают того благоговейного уважения, с которым к ним относились на протяжении столетий. Они создали наиболее эффективную из современных систем контроля над страной и продемонстрировали грядущим поколениям лидеров преимущества симбиоза патернализма и твердой руки.

Начиная с восстания Натаниэла Бэкона в Виргинии, к 1760 г. произошло 18 восстаний, направленных на свержение колониальных правительств. От Южной Каролины до Нью-Йорка прокатилось 6 мятежей чернокожих, а также 40 бунтов, спровоцированных различными причинами.

Как пишет Джек Грин, в то же самое время появились «стабильные, крепкие, эффективные и признанные на местах политические и общественные элиты». К 60-м гг. XVIII в. эти местные элиты увидели возможность направить большую часть бунтарской энергии против Англии и ее официальных представителей на американском континенте. Это было не осознанным заговором, а накоплением тактических реакций.

После 1763 г., когда Великобритания одержала победу над Францией в Семилетней войне (известной в Америке как Война с французами и индейцами) и изгнала ее из Северной Америки, амбициозные колониальные лидеры перестали опасаться французской угрозы. Оставались лишь два соперника – англичане и индейцы. Первые, обхаживая туземцев, запретили белым селиться за Аппалачами (Прокламация 1763 г.). Вероятно, когда удалось бы отделаться от англичан, можно было бы договориться с индейцами. Еще раз стоит отметить, что у колониальной элиты не было специальной, продуманной стратегии, но происходил рост самосознания по мере развертывания событий.

После поражения Франции британское правительство могло сосредоточить внимание на усилении контроля над колониями. Метрополии были нужны доходы, чтобы платить по военным счетам, и, руководствуясь этой целью, она обратила взор на свои заокеанские владения. Кроме того, колониальная торговля становилась все более важной для экономики Великобритании, а также все более выгодной: если в 1700 г. ее объем составлял около 500 тыс. ф. ст., то к 1770 г. эта цифра возросла уже до 2,8 млн. ф. ст.

Итак, американским лидерам английское правление было не очень нужно, но зато англичан интересовали богатства колоний. Необходимые для конфликта составляющие были налицо.

Война принесла славу генералам, смерть рядовым, богатство торговцам и безработицу беднякам. К моменту окончания войны с французами и индейцами в Нью-Йорке проживало 25 тыс. человек (в 1720 г. их было лишь 7 тыс.). Редактор одной из газет писал о растущем «числе попрошаек и бродяг» на улицах города. В письмах читателей газет звучали вопросы о распределении богатства: «Как часто наши улицы были усыпаны тысячами баррелей муки, предназначенной для торговли, в то время как наши ближайшие соседи с трудом добывают достаточно, чтобы утолить голод клецками?»

Исследование списков городских налогоплательщиков, проведенное Г. Нэшем, показало, что в начале 70-х гг. XVIII в. 5 % налогоплательщиков в Бостоне контролировали 49 % городских активов, облагаемых налогом. Богатство все более и более концентрировалось в Филадельфии, а также в Нью-Йорке. Согласно заверенным в суде завещаниям, к 1750 г. самые состоятельные люди к городам оставляли в наследство по 20 тыс. ф. ст. (сегодня это эквивалентно 5 млн. долл.).

В Бостоне низшие классы стали использовать городское собрание, чтобы выразить свое недовольство. Губернатор Массачусетса писал, что на этих собраниях «наиболее убогие жители города... в силу своего постоянного присутствия [на городских собраниях] имели численное превосходство и при голосовании одерживали победу над добропорядочными джентльменами, купцами, солидными коммерсантами и над всеми остальными достойными горожанами».

По всей вероятности, в Бостоне происходило следующее: несколько юристов, редакторов и купцов, принадлежавших к высшим классам, но исключенных из числа приближенных к Англии правящих кругов – такие люди как Джеймс Отис или Сэмюэл Адамс – организовали «Бостонский кокус-клуб» и благодаря своему ораторскому таланту и публикациям «создавали общественное настроение в ремесленной среде, призвали к действиям «толпу» и формировали ее поведение». Вот как Г. Нэш описывает Отиса: он «с большим сочувствием относился к падению благосостояния и возмущению обычных горожан, не только отражая общественное мнение, но и формируя его».

Эти события явились предзнаменованием долгой истории американской политики, выражавшейся в том, что для достижения собственных целей политические деятели из высших классов общества мобилизовали энергию представителей низших слоев. Это не было абсолютным жульничеством; параллельно проходило и подлинное осознание недовольства низов, что помогает понять эффективность такой тактики в течение нескольких столетий. Вот что пишет об этом Г. Нэш: «Джеймс Отис, Сэмюэл Адамс, Ройалл Тайлер, Оксенбридж Тэчер и многие другие бостонцы, связанные с ремесленниками и рабочими через сеть местных таверн, пожарных команд, и сам «кокус-клуб» отстаивали политические взгляды, согласно которым отношение к мнению тружеников было доверительным, и считалось совершенно законным участие ремесленников и даже рабочих в политическом процессе».

Выступление Дж. Отиса в 1762 г. против консервативных правителей колонии Массачусетс, интересы которых представлял Томас Хатчинсон, являлось образцом того типа риторики, которую мог использовать адвокат, чтобы увлечь за собой мастеровых и ремесленников:

Я вынужден зарабатывать себе на жизнь своими собственными руками, в поте лица, как и большинство из вас, должен пускаться во все тяжкие за свой горький кусок хлеба, который я имею под недовольным взглядом тех, у кого нет никакого естественного, или дарованного свыше, права возвышаться надо мною и кто обязан своими знатностью и почестями беднякам...

В те годы казалось, что Бостон переполнен классовой ненавистью. В 1763 г. в бостонской «Газетт» кто-то написал, что «несколько персон, облеченных властью», проталкивают политические проекты, направленные на то, «чтобы держать людей в нищете, дабы они оставались покорными».

Этим накопившимся недовольством, обращенным против богатей, можно объяснить народные волнения в Бостоне после принятия Закона о гербовом сборе 1765 г. По этому акту англичане облагали население колоний налогом, с тем чтобы заплатить за Войну с французами и индейцами, в ходе которой колонисты пострадали во имя расширения Британской империи. В то лето сапожник по имени Эбенизер Макинтош возглавил толпу, которая разрушила дом состоятельного торговца Эндрю Оливера. Спустя две недели толпа набросилась на дом Томаса Хатчинсона, человека, символизировавшего богатую элиту, управлявшую колониями от имени

Англии. Эти люди вломились в дом при помощи топоров, выпили все вино в винном погребе и полностью обчистили дом, вынеся из него мебель и другие предметы. В отчете, оправленном в Великобританию должностными лицами Массачусетса, говорилось, что эти действия были лишь одним из шагов в реализации плана, при котором дома пятнадцати состоятельных людей подлежали уничтожению в ходе «разбойной войны, установления всеобщего равенства и стирания различий между богатыми и бедными».

Это был один из тех моментов, в которые гнев, направленный против богачей, простирался несколько далее, чем того хотели бы лидеры вроде Отиса. Нельзя ли сделать так, чтобы классовая ненависть фокусировалась на пробританскую элиту и обходила стороной элиту национальную? В год нападений на бостонские дома в Нью-Йорке кто-то писал в местной «Газетт»: «Не справедливо ли, чтобы 99, а не 999 человек страдали от сумасбродства и знатности одного, особенно учитывая тот факт, что нередко богатства достигают за счет обнищания своих соседей?» Лидеры революции должны были бы заботиться о том, чтобы удерживать подобные настроения в нужных им границах.

Мастеровые требовали демократического устройства в колониальных городах: открытых заседаний представительных ассамблей, галерей для публики в законодательных собраниях, публикации результатов открытого голосования, для того чтобы избиратели могли контролировать работу своих представителей. Они требовали проведения собраний под открытым небом, чтобы население могло участвовать в политических решениях, требовали более справедливых налогов, контроля над ценами и избрания мастеровых и других простых людей на посты в правительстве.

Как пишет Г. Нэш, самосознание нижних слоев среднего класса особенно в Филадельфии возросло настолько, чтобы вызывать озабоченность не только среди консервативных лоялистов, симпатизировавших Англии, но даже в кругах лидеров революции. «К середине 1776 г. рабочие, ремесленники и мелкие торговцы, применяя не предусмотренные законами меры, тогда как избирательная политика не работала, полностью контролировали Филадельфию». Получая поддержку со стороны некоторых вождей среднего класса (Томаса Пейна, Томаса Янга и др.), они «начали полномасштабную атаку на богатство, подвергнув сомнению даже само право приобретать частную собственность без всяких ограничений».

Во время выборов делегатов конвента 1776 г., на котором должны были разработать конституцию Пенсильвании, комитет граждан убеждал избирателей выступить против «важных и чрезмерно богатых людей... они слишком подходят для того, чтобы стать разграничительными барьерами в обществе». Эта организация составила для конвента билль о правах, в котором содержалось следующее положение: «Сосредоточение огромных богатств в руках отдельных индивидуумов опасно для прав и разрушительно для общего счастья человечества; исходя из этого, каждое свободное государство имеет право препятствовать накоплению такого количества собственности».

В сельской местности, где проживало большинство населения, имел место похожий конфликт между бедными и богатыми, который использовался политическими лидерами, чтобы настроить людей против Англии, предоставляя некоторые блага мятежной бедноте и получая для себя гораздо большие выгоды. В XVIII в. бунты арендаторов Нью-Джерси в 40-х гг., Нью-Йорка в 50-х, а также долины реки Гудзон в 60-х, выступление жителей в северо-восточной части Нью-Йорка, приведшее к отделению Вермонта от этой колонии, не были спорадическим явлением. На протяжении долгого времени существовали общественные движения, в высокой степени организованные, вовлеченные в процесс создания альтернативы властям. Эти движения выступали против горстки богатых землевладельцев, но, поскольку сами землевладельцы были далеко, гнев часто оказывался направленным на фермеров, которые арендовали спорные земли у их владельцев (об этом см., например, новаторское исследование, посвященное сельским восстаниям, предпринятое Э. Кантрименом).

Подобно тому как мятежники в Нью-Джерси ворвались в тюрьмы, чтобы освободить своих друзей, бунтовщики в долине реки Гудзон выпустили на волю заключенных шерифа, а один раз даже пленили его самого. Арендаторы рассматривались как «по большей части отбросы общества», а среди ополченцев, которых шериф графства Олбани повел на Беннингтон в 1771 г., были представители местной верхушки.

Сельские повстанцы видели свою борьбу как битву бедняков против богачей. Свидетель на судебном процессе, проходившем в Нью-Йорке в 1766 г. по делу одного из лидеров бунтовщиков, утверждал, что фермеры, выселенные землевладельцами, «имели справедливое право, однако не могли получить защиты в судебном порядке, потому что были бедны... а бедных всегда притесняют богатые». В Вермонте «Парни с Зеленых гор»²⁴ Итана Аллена называли себя «бедными людьми... уставшими от обустройства жизни в диких краях», а своих оппонентов – «кучкой адвокатишек и других джентльменов, со всеми их богато украшенными конскими упряжами, комплиментами и французской утонченностью».

Жаждающие земли фермеры, проживавшие в долине реки Гудзон, обратились к англичанам за помощью в борьбе с местными землевладельцами; бунтовщики с Зеленых гор сделали то же самое. Но по мере того как конфликт с Англией обострялся, колониальные лидеры движения за независимость, чтобы привлечь на свою сторону сельских жителей, озаботились тенденцией объединения бедных арендаторов, обративших свой гнев против богачей, с англичанами.

В Северной Каролине в 1766–1771 гг. мощное движение белых фермеров было направлено против состоятельных и коррумпированных представителей власти. Как раз в то же самое время в городах северо-востока разворачивалась затрагивавшая классовые вопросы агитация против англичан. Участники движения в Северной Каролине назывались «регуляторами», и, как писал М. Ки, специалист по истории этого движения, оно состояло из «обладавших классовым сознанием белых фермеров западных районов, которые пытались демократизировать местные органы власти в своих графствах». «Регуляторы» называли себя «бедными трудолюбивыми крестьянами», «работягами», «несчастливыми бедняками», «угнетаемыми» «богатыми и могущественными... коварными монстрами».

Они видели, что в Северной Каролине богатство срослось с политической властью, и разоблачали тех официальных лиц, «для которых главной целью являлось собственное обогащение». «Регуляторы» были возмущены налоговой системой, особо обременительной для бедняков, а также союзом торговцев с адвокатами, заседавшими в судах, с тем чтобы выбивать долги из изможденных трудом фермеров. В западных графствах, там, где зародилось движение «регуляторов», лишь немногие домохозяйства имели рабов, и, если взять в качестве примера одно такое графство, то 41 % общего числа невольников приходился на менее чем 2 % хозяйств. «Регуляторы» не выражали интересов слуг или рабов, а говорили от лица мелких собственников, скваттеров и фермеров-арендаторов.

Отчет современника о движении «регуляторов» в графстве Ориндж описывает ситуацию следующим образом:

«Таковы были люди из графства Ориндж, оскорбленные шерифом, ограбленные и обворованные... презираемые и осуждаемые депутатами и униженные магистратом, вынужденные платить поборы, зависящие только от алчности чиновника, обязанные платить налог, который, с их точки зрения, идет лишь на обогащение и возвышение немногих, тех, кто постоянно управляет ими, и они не видят избавления от всех этих зол; для власти и закона они были теми, чьи интересы необходимо подавлять, наживаясь на работнике».

²⁴ Организация «Парни с Зеленых гор» была создана фермерами на так называемых нью-гэмпширских дарованных землях (современный Вермонт) в 60-х гг. XVIII в. В годы Войны за независимость 1775–1783 гг. сформировали отряды народного ополчения. «Парни с Зеленых гор» инициировали провозглашение в 1777 г. независимой республики Вермонт.

В 60-х гг. XVIII столетия в этом графстве «регуляторы» объединились, чтобы воспрепятствовать сбору налогов и конфискации собственности неплательщиков. Официальные власти говорили о «всеобщем мятеже и опасной тенденции в графстве Ориндж» и вынашивали планы их подавления с помощью военных. Семьсот вооруженных фермеров силой добились освобождения двух арестованных предводителей движения. В 1768 г. «регуляторы» обратились к правительству с петицией, выражавшей их недовольство, где, в частности, говорилось о «неравных условиях, на которых бедные и слабые соревнуются с богатыми и обладающими властью».

В графстве Ансон полковник местной милиции жаловался на «небывалые беспорядки, восстания и волнения, раздирающие в настоящее время это графство». Однажды сотня людей сорвала судебное разбирательство. Они также пытались избрать фермеров в законодательную ассамблею, заявляя, что «большинство нашей ассамблеи состоит из адвокатов, чиновников и тех, кто связан с ними». В 1770 г. в Северной Каролине, в Хиллсборо, вспыхнул мощный бунт, во время которого было разгромлено здание суда, судье пришлось спасаться бегством, троих судей и двух торговцев избили, а местные лавки разграбили.

В результате всего этого законодательная ассамблея приняла некоторые незначительные законы реформаторского толка и закон о «предотвращении бунтов и мятежей», а губернатор готовился подавить их с помощью военной силы. В 1771 г. произошла решающая битва, в которой несколько тысяч «регуляторов» потерпели поражение от дисциплинированного войска, использовавшего против них пушку. Шестеро участников движения были повешены. М. Ки пишет, что в трех западных графствах: Ориндже, Ансоне и Роуэне – там, где было больше всего «регуляторов», – их поддерживало от 6 до 7 тыс. человек, в то время как все облагаемое налогами белое население составляло около 8 тыс. человек.

Одним из следствий этого ожесточенного конфликта было то, что лишь небольшая часть «регуляторов» участвовала в Войне за независимость на стороне колонистов. Большинство из них, скорее всего, сохраняли нейтралитет.

К счастью для революционного движения, основные сражения происходили на Севере, а там в городах колониальным лидерам приходилось иметь дело с расколовшимся белым населением; они могли привлечь на свою сторону ремесленников, которых можно было считать средним классом и которые были заинтересованы в войне с Англией, сталкиваясь с конкуренцией со стороны британских производителей. Но самой главной проблемой оставалось удержание контроля над неимущими людьми, безработными и голодавшими в период кризиса, последовавшего за окончанием Войны с французами и индейцами.

В Бостоне экономические лишения низших классов в сочетании с гневом, направленным на англичан, привели к народному бунту. Лидеры движения за независимость хотели повернуть энергию толпы против Великобритании, но они также стремились сдержать эту энергию, чтобы она не обратилась против них самих.

Когда в 1767 г. выступления, направленные против Закона о гербовом сборе, охватили Бостон, командующий английскими вооруженными силами в Северной Америке генерал Томас Гейдж дал им следующую оценку:

«Бостонская толпа, взращенная изначально на подстрекательствах со стороны многих важных горожан, увлеченная грабежами, происшедшими сразу после достигнутого было соглашения, набросилась, ограбила и разрушила несколько домов, в том числе и дом вице-губернатора... Потом люди сами испугались того духа, которого они выпустили на волю, полагая, что народной яростью не следует управлять, и каждый стал бояться того, что он сам может оказаться следующей жертвой его ненасытности. Такие же страхи распространились и на другие провинции, и, чтобы предотвратить народные восстания, было потрачено столько же усилий, как и на то, чтобы разжечь их».

Комментарий Гейджа говорит о том, что лидеры движения, направленного против Закона о гербовом сборе, поначалу провоцировали действия толпы, но потом испугались, осознав, что ее гнев может обратиться и против их собственного богатства. В то время наиболее обеспеченные 10 % бостонских налогоплательщиков обладали примерно 66 % облагаемых налогами материальных ценностей, тогда как 30 % самых малообеспеченных налогоплательщиков не располагали недвижимостью. Те, кто совсем был лишен имущества (например, чернокожие, женщины и индейцы), не имели права голосовать и принимать участие в городских собраниях. В это число входили также моряки, наемные работники, подмастерья и серванты.

Исследователь массовых действий в Бостоне в революционный период Д. Хёрдер полагает, что лидеры революции были «похожи на... нерешительных вождей «Сынов свободы», этих выходцев из средних слоев и преуспевающих торговцев», желавших подстегнуть выступления против Великобритании и одновременно обеспокоенных вопросом сохранения контроля над народными массами.

Чтобы лидеры обратили внимание на эту дилемму, понадобился кризис, связанный с Законом об гербовом сборе. Бостонская политическая группа, известная как «Лояльная девятка», – торговцы, винокуры, судовладельцы и мастера-ремесленники, выступавшие против этого закона, – в августе 1765 г. в знак протеста организовала процессию. Во главе ее они поставили пятьдесят мастеров-ремесленников, но им понадобилось мобилизовать работников судоверфей из Норт-энда, а также мастеровых и подмастерьев из Саут-энда. В процессии приняли участие 2 тыс. человек (негры допущены не были). Люди пришли к дому главного сборщика налогов и сожгли его чучело. Но после того как «джентльмены», организовавшие демонстрацию, разошлись, толпа разъярилась еще больше и уничтожила часть собственности этого человека. Как сказал один из членов «Лояльной девятки», это были «невероятно возбужденные разгорячившиеся люди». Похоже, что данная группа старалась держаться в стороне от непосредственного нападения на богатые апартаменты сборщика налогов.

Богачи создавали вооруженные патрули. Теперь, когда проводились городские собрания, те же лидеры, которые планировали демонстрации, осуждали насилие и снимали с себя ответственность за действия толпы. Поскольку целый ряд демонстраций был запланирован на 1 ноября 1765 г., когда Закон о гербовом сборе должен был вступить в силу, и на 5 ноября – День Папы Римского, были предприняты меры, чтобы держать развитие событий под контролем. Чтобы завоевать доверие некоторых мятежных лидеров, для них организовали ужин. А когда Закон о гербовом сборе был отменен в связи с возрастающим сопротивлением, лидеры консерваторов ужесточили свои отношения с бунтовщиками. Они устраивали ежегодные празднования годовщины первой демонстрации против Закона о гербовом сборе, на которые приглашали, как пишет Хёрдер, вовсе не бунтовщиков, а «в основном представителей высшего и среднего класса Бостона, которые отправлялись в экипажах и каретах в Роксбери или Дорчестер на пышные торжества».

Когда британский парламент предпринял еще одну попытку обложить колонии налогами, надеясь, что на этот раз налоговое бремя не будет столь тяжелым и не вызовет такого отчаянного сопротивления, колониальные лидеры прибегли к бойкоту. Но они заявили: «Нет толпам или беспорядкам, пусть личности и собственность ваших самых заклятых врагов будут в безопасности». Сэмюэл Адамс советовал: «Нет толпам черни – нет беспорядкам – нет мятежам». А Джеймс Отис говорил, что «никакие из возможных обстоятельств, даже наиболее жестоких, не могут служить оправданием для мятежей и беспорядков».

Насильственная вербовка на военную службу и расквартирование войск, проводимые англичанами, наносили прямой ущерб морякам и другим наемным работникам. После 1768 г. в Бостоне находилось 2 тыс. солдат, и между ними и народными массами стала нарастать напряженность. Солдаты начали отнимать рабочие места у трудящегося люда, в то время когда работы в городе было недостаточно. Мастерские и хозяева лавок теряли работу или бизнес

вследствие бойкота, объявленного колонистами английским товарам. В 1769 г. в городе был организован комитет, задача которого заключалась в том, чтобы «разработать необходимые меры в целях предоставления работы бедным жителям города, число коих постоянно растет из-за упадка в ремесле и коммерции».

Пятого марта 1770 г. недовольство ремесленников – производителей канатов британскими солдатами, отбиравшими у них кусок хлеба, переросло в открытый конфликт. Толпа собралась у здания таможни и начала провоцировать солдат, в результате чего последние открыли стрельбу и убили первым рабочего-мулата Криспуса Аттакса, а потом и других горожан. Этот инцидент получил название «Бостонская бойня». Ненависть к англичанам росла как на дрожжах. Оправдание шести солдат (двое из которых были наказаны путем клеймления большого пальца руки и уволены из армии) вызвало гнев. Джон Адамс, являвшийся адвокатом этих военных, так описывал участников «Бостонской бойни»: «разношерстная толпа, включавшая развязных парней, негров и мулатов, ирландских и иностранных моряков». Около 10 тыс. горожан из шестнадцатитысячного населения прошли в похоронной процессии, провожая в последний путь жертв кровопролития. Это заставило англичан вывести войска из Бостона и попытаться загладить конфликт.

Насильственная вербовка на военную службу была фоном для «Бостонской бойни». В 60-х гг. XVIII в. против такой вербовки вспыхивали бунты в Нью-Йорке и Ньюпорте (Род-Айленд), где 500 матросов, юношей и чернокожих восстали после пятидневного пребывания в армии, попав туда путем подобного набора. За шесть недель до бостонских событий в Нью-Йорке произошло столкновение моряков с английскими солдатами, занявшими их рабочие места. В результате один матрос погиб.

Во время «Бостонского чаепития» в декабре 1773 г. городской комитет связи, созданный за год до этих событий для организации антибританских выступлений, по словам Д. Хёрдера, «с самого начала контролировал действия толпы, набросившейся на чай». «Чаепитие» заставило британский парламент принять так называемые «репрессивные акты», фактически установить в Массачусетсе законы военного времени, распустить колониальные органы власти, закрыть Бостонский порт и направить туда войска. Тем не менее оппозиционные настроения на городских собраниях и массовых митингах усилились. Захват англичанами порохового склада привел к тому, что 4 тыс. мужчин со всего Бостона собрались в Кембридже, где у многих местных чиновников были роскошные дома. Толпа заставила этих людей отказаться от своих должностей. Комитеты связи Бостона и других городов приветствовали это выступление, но предупредили о незаконности уничтожения частной собственности.

Историк П. Майер, изучавшая развитие оппозиционных Британии настроений в десятилетие, предшествовавшее 1776 г., в своей книге «От Сопротивления к Революции» подчеркивает сдержанность лидеров и их «стремление к порядку и умеренности», несмотря на желание сопротивляться. Она отмечает: «Должностные лица и члены комитетов «Сынов свободы» почти все были представителями среднего и высшего классов колониального общества». Например, по свидетельству современника, среди «Сынов свободы» в Ньюпорте (Род-Айленд), «были некоторые джентльмены высшего городского сословия – богатые, сознательные и вежливые». В Северной Каролине ячейку этой организации возглавлял «один из богатейших джентльменов и фригольдеров». Похожая ситуация была в Виргинии и Южной Каролине. А «нью-йоркские лидеры занимались небольшим, но вызывающим уважение предпринимательством». Однако их целью было расширение организации, развитие массовой поддержки среди тех, кто зарабатывал на жизнь наемным трудом.

Многие местные отделения «Сынов свободы», как, например, ячейка в Милфорде (Коннектикут), заявляли о своем «огромном отвращении» к беззаконию, а ячейка в Аннаполисе выступала против «любых бунтов или незаконных собраний, ведущих к нарушению общественного спокойствия». Дж. Адамс высказывал похожие опасения: «Сии обмазывания дегтем

и обваливания перьями, сии вторжения грубых и дерзких бунтовщиков в дома в поисках восстановления справедливости в частных случаях или в силу личных предрассудков и страстей должны быть прекращены».

Образованным джентри Виргинии было, похоже, ясно, что необходимо что-то предпринять, дабы убедить низшие слои общества присоединиться к революционному движению, направив их гнев против Англии. Весной 1774 г. один виргинец писал в своем дневнике: «Низшие классы здесь готовы взбунтоваться, услышав о событиях в Бостоне, многие из них готовы идти сражаться против британцев!» В период принятия Закона о гербовом сборе виргинский оратор, обращаясь к беднякам, заявил: «Разве джентльмены сделаны не из того же материала, что и беднейшие из вас?... Не слушайте догмы, которые могут внести среди нас раскол, напротив, сплотимся, как братья».

Это была проблема, для решения которой отлично подходили ораторские таланты Патрика Генри. Как пишет Р. Айзек, он был «крепко привязан к миру джентри», но говорил словами, которые были понятны массам белой бедноты Виргинии. Земляк П. Генри – Эдмунд Рэндолф характеризовал его стиль «как простоватый и даже беззаботный... Казалось, что паузы, которые он делал, своей продолжительностью могли иногда отвлекать, на самом деле они лишь еще больше приковывали внимание, повышая ожидания [слушателей]».

Риторика П. Генри в Виргинии указала путь к снижению напряженности между высшими и низшими сословиями, объединяя их против англичан. Она заключалась в поиске тех слов, которые, с одной стороны, вдохновили бы все классы и были бы достаточно конкретными в перечислении жалоб, с тем чтобы вызвать гнев людей против британцев, но с другой – оставались бы довольно туманными во избежание классового конфликта внутри самих мятежников, а также чтобы вызвать чувство патриотизма, на котором будет основано движение сопротивления.

Опубликованный в начале 1776 г. и ставший самым популярным в североамериканских колониях памфлет «Здравый смысл» Томаса Пейна оказывал именно такое воздействие. В нем приводился первый мощный аргумент в пользу независимости, и делалось это такими словами, которые мог понять любой, пусть и неграмотный человек: «Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть лишь необходимое зло».

Пейн расправился с идеей о праве королей считать себя помазанниками божьими, рассказав язвительную историю английской монархии, ведущую счет от нормандского завоевания 1066 г., когда Вильгельм Завоеватель явился из Франции, чтобы занять британский трон: «Французский ублюдок, высадившийся во главе вооруженных бандитов и воцарившийся в Англии вопреки согласию ее жителей, является, скажем прямо, крайне мерзким и низким преступником. В таком происхождении, конечно, нет ничего божественного».

Автор обращал внимание на практические преимущества сохранения связи с Англией или отделения от нее; ему было хорошо известно о важной роли экономики:

«Я призываю самых горячих защитников политики примирения показать хотя бы одно преимущество, какое континент может получить от связи с Великобританией. Я повторю этот вызов; таких преимуществ нет. Хлеб наш найдет свой сбыт на любом европейском рынке, а за привозные товары нужно платить, где бы мы их ни покупали».

Что же касалось неблагоприятных сторон отношений с Англией, то здесь Пейн апеллировал к памяти колонистов обо всех войнах, в которые метрополия их вовлекала, войнах, стоивших жизней и денег:

«Неудобства же и убытки, какие мы терпим от этой связи, неисчислимы... всякое подчинение Великобритании или зависимость от нее грозит непосредственно втянуть наш континент в европейские войны и распри и ссорят нас с нациями, которые иначе искали бы нашей дружбы».

Постепенно он усиливал эмоциональный накал:

«Все, что есть верного и разумного, молит об отделении. Кровь убитых, рыдающий голос природы вопиют нам: «ПОРА РАССТАТЬСЯ»».

В 1776 г. вышло 25 изданий «Здравого смысла», разошедшегося сотнями тысяч экземпляров. Вполне возможно, что каждый грамотный колонист или прочел это произведение, или по крайней мере знал его содержание. Pamфлеты к тому времени стали основным форумом, где обсуждался вопрос об отношениях с Англией. В 1750–1776 гг. было выпущено 400 памфлетов, в которых дебатировались те или иные аспекты Закона о гербовом сборе, «Бостонской бойни» и «Бостонского чаепития» или общие вопросы неподчинения законам, лояльности властям, прав и обязанностей.

Памфлет Т. Пейна был обращен к широким кругам общественности, так или иначе недовольным Великобританией. Но он вызвал некоторый трепет среди аристократов вроде Дж. Адамса, которые поддерживали патриотические цели, но хотели удостовериться, что дело не пойдет слишком далеко в направлении демократии. Пейн осуждал так называемое сбалансированное правительство английских палат лордов и общин и призывал к созданию однопалатных представительных органов власти, в которых присутствовали бы представители народа. Адамс же осуждал план Пейна как «настолько демократичный, без каких-либо ограничений или даже попыток установить равновесие и сдерживающие факторы, что он может привести к неразберихе и даже сотворить зло». Адамс считал, что народным ассамблеям нужен противовес, поскольку они были «плодовиты насчет поспешных выводов и абсурдных суждений».

Сам Пейн происходил из «низших сословий» Англии – он был мастером по изготовлению корсетов, сборщиком налогов, учителем, неимущим эмигрантом, уехавшим в Америку. Он прибыл в Филадельфию в 1774 г., когда антианглийская агитация в колониях уже набрала силу. Филадельфийские ремесленники и мастера вместе с квалифицированными рабочими, подмастерьями и простыми работниками формировали политически сознательную милицию, собирая под ее знамена «в целом всякую шпану и нечисть – грязную, мятежную и недовольную», как их описывали местные аристократы. Выступая просто и твердо, Пейн мог выражать интересы этих политически сознательных представителей низшего класса (он являлся противником имущественного ценза на выборах в Пенсильвании). Но ему было важнее выступать от имени средней категории населения. «Велики размеры богатства, а на другом краю – нищета, которая, сужая круг знакомых человека, уменьшает и его возможности познания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.